

АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ
АРИАДНА БОРИСОВА
АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ
РОМАН СЕНЧИН
ЮРИЙ БУЙДА

и другие

ЛЮБОВЬ,

или Не такие,
как все

Рассказы о самом важном (Эксмо)

Андрей Геласимов

**Любовь, или Не такие,
как все (сборник)**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Геласимов А. В.

Рассказы о самом важном (Эксмо) / А. В. Геласимов —
«Эксмо», 2016 — (Рассказы о самом важном (Эксмо))

ISBN 978-5-699-87529-0

Чудаки, блаженные, не от мира сего – как только не называют людей, отличающихся ото всех. Среди них есть одержимые манией и фактически святые, безумцы и великие философы. Не замечать их попросту невозможно. Талантливый художник-аутист из рассказа Романа Сенчина, крылатая девочка Юрия Буйды или фотограф-маргинал из повести Алексея Лукьянова – все они чудаки, но мы-то знаем, что слово «чудак» происходит от слова «чудо». Мир без таких людей стал бы более тусклым и серым.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87529-0

© Геласимов А. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Адриана Борисова	6
Алексей Лукьянов	8
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Любовь, или Не такие, как все (сборник)

© Борисова А., Лукьянов А., Буйда Ю., Сенчин Р., Снегирёв А., Ройтбурд Л., Геласимов А., Муравьева И., Курочкин М., Нестерина Е., Новиков Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Адриана Борисова Предисловие

Чудаки – люди разные и по-разному непохожие на других. Чудаки и такое понятие, как выгода, – две вещи несовместные. Ну какому здравомыслящему человеку придет в голову, например, тратить время на сочинение стихов? Только чудакам. Они придумывают, изобретают, пытаются украсить мир или сделать его добрее в то время, когда остальные зарабатывают деньги. Иначе чудакам просто неинтересно жить. Не зря же они «произошли» от слова «чудо».

Мой дед называл их «детьми перевернутой недели». Он и сам был чудаком в некотором роде. Мог рассказать сказку вместо того, чтобы ответить на детский вопрос. Да вот хотя бы о том, как появились на свете чудаки...

Однажды Солнце взошло не на востоке, а на западе, и неделя повернулась вспять. Она наступила с воскресенья, и все перемешалось. Люди повели себя, как в понедельник: работали не покладая рук. В субботу тоже трудились. Пятницу сочли серединой рабочих дней. Лишь четверг прошел без изменений: шутили о дождичке и готовили рыбные блюда. В среду, полагая ее пятницей, народ разъехался вечером по дачам. Во вторник, как в субботу, загорал на речках и жарил шашлыки. Отдохнул в понедельник, собираясь завтра с новыми силами выйти на работу. Самое странное, что все дети, которые родились в эту неделю, были беспокойными, а все вылупившиеся вороньи птенцы оказались покрытыми белым пухом.

Наступила полночь, и Понедельник положил песочные часы набок, чтобы время остановилось.

– Пора положить конец этой неразберихе, – сказал он. – Сегодня я плясал и резвился, как легкомысленная девчонка!

– А я с ужасом жду завтрашнего дня, – заплакало Воскресенье. – Еще с того дежурства ноют мои непривыкшие к работе руки...

Послышались возмущенные голоса:

– И я намучилась!

– А я-то!

Только Четверг молчал. Все устали, поэтому именно ему было поручено повернуть стрелки лучей Солнца слева направо.

Четверг прихватил с собой песочные часы, и тонкая песчаная тропинка привела его вверх к громадной скале. За нею спало Солнце. Четверг бесстрашно подошел к огнедышащему боку, вырвал маленький лучик и пощекотал им в огромной ноздре. Солнце оглушительно чихнуло и проснулось.

– Эй, кто тут шалит?! – загрохотало оно.

– Здравствуйте, уважаемое! Простите, пожалуйста, это я вас разбудил, – высунулся из-за скалы Четверг и объяснил, в чем дело.

Солнце сконфузилось и жарко покраснелось.

– Больше такой путаницы не повторится, – пообещало оно. – На восходе я поверну стрелки лучей с востока на запад. Приношу тысячу извинений Понедельнику – из-за меня ему придется отдежурить еще один день.

– Не расстраивайтесь, ведь не ошибаются только те, кто спит вечным сном, – утешил Солнце Четверг.

Песчинка за песчинкой, секунда за секундой втекло время в песочные часы. Все пошло правильно, и люди забыли бы о великой путанице, если б в стаях черных ворон нет-нет да не стали попадаться белые. А дети перевернутой недели...

Людам от них сплошное беспокойство. Они не умеют отдыхать, в их неделе все семь дней – рабочие, и всегда недостает свободного времени. Эти «перевернутые» в постоянном поиске. Никто не знает, чего они ищут, но явно не кошелек на дороге. Есть подозрение, что порой они и сами не знают, чего. Странные... Прямо как белые вороны. Чудаки, одним словом.

Рассказы о таких уникамах – иногда нелепых, смешных, не от мира сего, «с приветом» и «заскоками», непонятных и непонятых, но по-своему удивительных – собраны в этой книге.

Ариадна Борисова

Алексей Лукьянов Миленский

Пролог

«Газик» со снятыми бортами медленно (хотя и не так, как того требуют приличия и протокол траурного шествия) ехал по направлению к кладбищу. Кроме открытого гроба, обшитого кумачом, и наспех сколоченного соснового креста, в кузове никого не было.

Ни вечно пьяной, но с профессионально скорбным выражением на лицах похоронной команды; ни духового оркестра, вразнобой играющего третью часть шопеновской сонаты для фортепиано номер два, оратория тридцать пять, более известную как Траурный марш; ни моря цветов и жестяных венков с пластмассовыми цветами, выцветшими на солнце и перевязанными черными лентами с надписями «От жены и детей», «От сослуживцев», «От парткома и месткома». Не было и провожающих, тех самых жены и детей, сослуживцев, парткома и месткома, соседей, знакомых и просто случайных зевак, решивших проветриться в этот жаркий июньский полдень, а потом на халяву попасть на поминки, чтобы поесть рисовую кашу с изюмом, щи из квашеной капусты, пюре с котлетой, выпить рюмку-другую водки, запить компотом и положить в авоську холодный расстегай, чтобы доесть дома. Задайся случайный прохожий вопросом, кто же предоставил гроб, крест и машину, он мог бы сразу и не найти ответ, и пришлось бы ему обращаться к раздраженному водителю.

Водитель, между прочим, тоже недоумевал: зачем везти гроб в машине со снятыми бортами, если некому даже присмотреть за тем, чтобы не вывалились на дорогу гроб и крышка, а также крест с косо прибитой на сапожные гвоздики фанерной табличкой, на которой кто-то торопливо шариковой ручкой нацарапал: «МИЛЕНСКИЙ Святослав Аполлинариевич, 8 марта 1940 – 24 июня 1980»? Почему нельзя быстро-быстро доставить заколоченный гроб из морга на кладбище в машине с поднятыми бортами? Это ж Миленский! Кому в здравом уме и доброй памяти может прийти в голову хоронить Миленского вот так, это ж смех на палочке – ни провожающих, ни сочувствующих.

На перекрестке «газик» замер у светофора. Вот тут-то кто-то из случайных прохожих и разглядел лицо покойного.

– Твою мать, неужто Миленского повезли?! – изумился прохожий вслух.

И хотя обращался он к самому себе, возглас его был услышан. Пешеходы, наплевав на зеленый, столпились у кузова.

– Еперный тиатыр, и правда – Миленский! – подхватил один.

– Миленский помер! – крикнул другой.

– Э, старик, у тебя в кузове что – Миленский? – спросил у шофера, бесцеремонно распахнув кабину, молодой человек в солнцезащитных очках на пол-лица.

– Ну, – нетерпеливо кивнул водитель. – Дверь закрой, уже желтый.

Но молодой человек не закрыл дверь и – даже напротив – обернулся к публике и объявил хорошо поставленным на комсомольских, очевидно, собраниях голосом:

– Товарищи, я все уточнил. Действительно, Миленского хоронят!

Шофер пару раз сердито утопил педаль акселератора – мол, не задерживайте движения, граждане, расходитесь, дайте дорогу. Превращение своей машины в катафалк шофер переживал очень остро и хотел как можно быстрее покончить с неприятной обязанностью. Что поделать, шофер тоже был молод, порывист, и ехать на первой передаче ему казалось унизительно. Особенно когда в кузове лежит такое тело.

Но не тут-то было. Молодой человек, обернувшись к водителю, сказал:

– Старик, не гони. Прояви уважение к покойному.

Водитель наклонился к блюстителю морали ближе и рекомендовал идти на хутор бабочек ловить, после чего резко захлопнул дверь, снял автомобиль с ручного тормоза, выдал сцепление и включил вторую передачу с твердым намерением ехать так быстро, как только позволит техника. Но прежде чем тронуться, он посмотрел в зеркало заднего обзора. И присвистнул, потому что за «газиком» выстроилась траурная процессия. Закончить по-быстрому не получалось.

Процессия выглядела слишком нарядной. Единственным ахроматическим пятном в толпе был одетый по форме и страдающий от жары совсем юный сержант милиции. Оказался он здесь случайно: остановился у бочки с квасом утолить жажду, а тут вдруг столпотворение рядом с проезжей частью. Не зная, как реагировать в такой ситуации, он потянулся было к свистку, но тут выяснилось, что это похороны, и неорганизованная людская масса тотчас выстроилась в узкую очередь за «газиком». Решив, что представителю власти не мешает проследить за порядком и далее, сержант влился в процессию и сейчас сосредоточенно думал о том, что написать в объяснительной начальству. Остальной же народ, одетый легко и пестро, шел за грузовиком как бы даже и без намека на скорбь. Тут и там слышались веселые возгласы и смех: процессия вполголоса обсуждала покойного.

– Надо же, а я думал – он старый совсем, – говорил своим спутницам – двум юным девам едва ли восемнадцати лет – тот самый молодой человек, что минуту назад уточнял у шофера имя покойного. – А он, оказывается, моложе моей бабки – ему ж только-только сорок стукнуло!

– Ты бы с его попил – такой же старый сделался бы, – тихо, чтобы не услышал покойный – ведь они шли за гробом самые первые! – сказала блондинка в красивом голубом платье. – У него самогонный аппарат был, знаете?

– Ну и что? – пожалала загорелыми в крапинку плечами рыженькая спутница молодого человека, одетая в сарафанчик, напоминавший летний луг – оранжево-желто-красно-зеленый. – Че ты такая наивная, Элка? Чуть ли не в каждом доме такой аппарат имеется, даже у нас, даже у начальника милиции. Не про то ты говоришь.

Элка покраснела.

– Марин, давай не будем? – заступился за Эллу молодой человек.

– А чего – не будем? – возмутилась Марина. – Можно подумать, я напросилась за этим козлом старым идти.

– Нельзя так о мертвых, – попытался он урезонить подругу.

– Вот еще! А если он заслужил? Всю жизнь жил, как свинья, а ему тут уважение выказывай. Тебе-то хорошо, он за тобой не подглядывал, когда ты в баню ходил.

– Марина... – Молодой человек опасливо обернулся назад. Многие члены процессии внимательно слушали пламенное выступление рыженькой Марины.

– Че Марина, че Марина-то? – еще громче возмутилась она и тоже обернулась. – Бабы, ну скажите – козел был этот Миленький?!

Баб – и молодых, и постарше, и совсем пожилых – в толпе было достаточно, и даже гораздо больше, чем мужчин. Каждая из них имела зуб на усопшего, и Марина вправе была услышать дружное подтверждение своих слов. Однако секунду назад шумная и – чего греха таить – радостная процессия вдруг замолчала. Слышно было лишь шарканье подошв и стук каблучков об асфальт.

Возможно, кого-нибудь другого – ту же Эллу – всеобщее молчание смутило бы, но Марина была явно не из таковских.

– Ах вот, значит, как! – крикнула она. – То есть вам всем нравилось, что он за вами в бане подсекал, на огороде, в раздевалках? Может, вы ему и специально все демонстриро-

вали? Ну ладно тогда! Тогда надо уважить покойного, дать ему то, чего он при жизни недополучил.

С этими словами Марина стянула через голову сарафан и дальше шла уже в купальнике-бикини, предусмотрительно надетом для похода на речку.

– Эй-эй, гражданочка, полегче, прекратить заголяться на похоронах! – прикрикнул сержантик и стал пробираться сквозь толпу к возмутительнице общественного порядка. – Немедленно оденьтесь, не то я вас в отделение! Как можно – на похоронах!..

Но, странное дело, аморально поступившую Маринку молчаливая толпа, только что не поддерживавшая злословия, осуждать тоже не торопилась. И даже какая-то молодая женщина – лет тридцати или около того, взяла да и расстегнула блузку, явив миру несоветского производства кружевной лифчик.

Примеру женщины последовала другая, третья, и вскоре почти все плакальщицы облачились до нижнего белья, большей частью отечественного производства. Однако мужчин это не смущало, поскольку они думали в основном не о форме, а о содержании.

Народ, наблюдавший странные похороны со стороны, словно магнитом притягивался к медленно шествующей процессии и тоже вливался. Женщины, оказавшись среди провожающих, немедля начинали стягивать с себя верхнюю одежду.

– Элка! Элка! А ты че, особенная? – громким шепотом обратилась Марина к подружке. – Снимай платье!

– Дура, что ли? – испугалась Элка. – Я лифчик не надела.

– И что? Значит, можно выделяться, да? Ну хочешь, я тоже лифчик сниму!

– Ты дура, что ли? Мы же комсомолки!

– Раздевайся, говорю! – И Маринка решительным движением расстегнула на Элкиной спине молнию.

Элка сначала отчаянно сопротивлялась, но решительная Маринка подавила протест и стащила с подруги платье. Элка прикрыла грудь руками.

– Не прячь красоту-то! – рявкнула Маринка и сама сняла лифчик. – Похороны – так похороны!

Подумав еще немного, Маринка избавилась и от трусов. На какое-то мгновение сердца мужчин, увидевших это, перестали биться, а потом заколотились в бешеном ритме. Сержантик, порывавшийся остановить глумление над памятью об усопшем, увидав Маринку со спины, потерял волю и теперь пытался не упустить ни одного движения девушки.

Элка, деморализованная поступком подруги, безвольно опустила руки, продемонстрировав размякшему молодому человеку, снявшему очки для лучшего обзора, мраморную белизну своих персей, увенчанных нежно-розовыми пиками сосцов. У Маринки, к слову, перси были такими же загорелыми, как и она сама, и даже под купальными трусиками не было незагорелой кожи.

– Рот закрой, трусы видно, – сказала Маринка какому-то зеваке, и продолжила независимо идти за машиной.

Элка сначала стеснялась, а потом тоже сняла трусики и далее шла бок о бок с подругой. Они даже за руки взялись, поддерживая друг друга.

Вдруг машина остановилась. Из кабины выскочил бледный не то от страха, не то от гнева водитель.

– Да вы что тут за блядство-то развели, граждане товарищи?! – заорал он, и голос его от волнения дал петуха. – Это ж похороны, мать вашу! Мы ж не в Америке, в советском же государстве живем!..

Ответом водителю было почти одновременное сбрасывание женщинами одежд. Мужчины буквально застонали.

– Я никуда не поеду, пока...

Но шофера никто не слушал. Совершенно голые Маринка с Элкой вспрыгнули в кузов и с помощью своего молодого человека сдвинули гроб к краю машины. Тело Миленького подхватили другие обнаженные женщины и понесли дальше на руках. Мужики взяли крышку и крест, а также брошенные женщинами прямо на асфальт одежду, белье и сумки. Маринка с Элкой грациозно спорхнули обратно в толпу, и далее процессия, возглавляемая молодыми красивыми девушками, следовала уже сама по себе, без машины, втягивая в себя все больше и больше народу.

Покойный лежал в гробу с блаженной улыбкой на устах. Похороны удались.

29 апреля 1980 года

1

Проводник уныло звенел ложечкой в стакане.

– Говорил я тебе, что на электричке надежнее, – попенял он Таське, безо всякой, впрочем, злости. – Там проще от проверки загаситься.

– Вы же говорили, что проскочим! – с неуместным в ее положении сарказмом заметила Таська.

– Да кто ж знал? Только позавчера проверка была, думал, нынче спокойно будет. Видать, стукнул кто-то, что ты без билета едешь. Верка, наверное, из десятого. Ну, баба... Когда просечь успела?

На часах в купе проводника было без пятнадцати шесть утра. Час назад в их вагон внезапно нагрянула проверка, причем не просто так, а конкретно к Таське, которая ехала на свободной полке без билета. Проверяющих было двое: начальник поезда и линейный милиционер, лица у обоих злые и невыспавшиеся. Таська сразу поняла – приехали. Теперь протокол, снимут с поезда, позвонят домой, Хомяк опять расстроится... А ведь почти уже добралась, всего-то десять часов оставалось до вождленного Ленинграда.

К чести проверяющих, орать на весь вагон, будить пассажиров они не стали. Велели сидеть в купе проводника и ждать своей участи, а сами ушли связываться с ближайшей станцией.

– Дяденька, отпустите меня, а? – попросила Таська.

– Да мне-то что, – сдерживая зевоту, ответил проводник. – Иди на все четыре стороны. Все равно меня уже премии лишили.

Таська покраснела и опустила глаза. Самое последнее, чего она хотела – это подводить проводника. Он был хорошим дядькой: она вчера лишь намекнула, что билета нет, а он сразу все понял, прикинул что-то в уме и велел запрыгивать. Не приставал, давал не только чай, но и бутерброды и даже сунул тайком в ладошку мятый рубль, чтобы Таська могла в вагон-ресторан сходить, супчику похлебать...

Проводник зевнул, не прикрывая рта, громко клацнул зубами и передернулся всем телом, отгоняя липучий в это время суток сон. Потом наклонился и заговорщицки прошептал:

– Мой тебе совет, девка, – сиди на жопке ровно. Авось пронесет. Дануево скоро, там минуту всего стоим. Может, у них на станции штат дежурных неполный, некому будет тебя принимать. Дальше на электричках поедешь, все шурики так делают. На, глотни чаю с бутербродом, когда еще в следующий раз перекусить удастся...

Таська послушно приняла стакан и бутерброд.

– Дяденька, а если?..

– Хватит шкнить! – резко оборвал ее проводник. – Хватило ума в историю вляпаться – думай теперь, как расхлебывать будешь. Самое плохое что тебе будет? Ну родакам штраф заплатить придется, ну отправят обратно домой. Самое худшее – по жопе получишь. А мне квартальную премию зарежут, и ладно, если только квартальную. Думай! Язык у тебя хорошо подвешен, иначе бы ни за что тебя не подсадил. Вот и заговаривай зубы дальше. Мир, знаешь, не без добрых людей, авось помогут.

Он оказался почти прав.

В это же время проводница Верочка из соседнего вагона уже хлопотала во втором купе. Единственный его пассажир отправился умыться и почистить зубы, а Верочка заботливо сервировала стол – вареные яички, хлеб, масло, тарелочка с тонко нарезанными сервелатом и сыром, банка растворимого кофе, рафинад, стакан с кипятком.

Дверь отъехала в сторону.

– О, Верунчик, да ты просто какая-то фея-крестная, – восхитился пассажир, который был, наверное, лет на десять-пятнадцать моложе «Верунчика». – Такой стол!

– Да ну вас, Степан Борисыч, засмущали меня всю, – Верочка зарделась. – Чем, как говорится, богаты...

– Очень ценю твою заботу, Верунчик, очень! – молодой человек бросил вафельное полотенце на верхнюю полку, уселся к столу и принялся с аппетитом завтракать.

– А вы же, Степан Борисович, правы оказались же, насчет безбилетницы-то, – сказала проводница, с умилением наблюдая, как ест пассажир. – Я же ведь начальнику поезда сказала же, он проверил – точно, девка молодая, в плацкартном, зайцем. Наверняка Гусельников ее пригрел, он же у нас любитель же. Ничего, сейчас ее в Дануеве снимут, а Гусельников без премии останется. Вот же идиот.

– Бдительность и еще раз бдительность, – кивнул Степан Борисович. – У меня глаз наметанный. Да что ж ты стоишь? Я справлюсь, не волнуйся, спасибо за заботу.

Вытолкав проводницу из купе, Степан Борисович заперся изнутри, чтобы не слушать уже назойливого щебетания красотки бальзаковского возраста и спокойно поесть. Надоела она ему еще в Тагиле, но располагать к себе людей – это навык, который нужно постоянно тренировать. И чем неприступнее собеседник – тем лучше.

Верочка, конечно, была слишком легкой задачей. Не задачей даже, а проверочным заданием, повторением пройденного. Таких проводниц, продавщиц, кассирш, контролерш Степан Борисович Спиридонов (двадцать пять лет, уроженец Нижнего Тагила, не женат, русский, образование высшее) должен располагать к себе одним взглядом. Что он, впрочем, упиваясь собственным всемогуществом, делал направо и налево.

Теперь его ждала задача более сложная. Могла она обернуться для лейтенанта госбезопасности Спиридонова потерей погон, а может, и чем похуже.

Он аккуратно съел все до крошки, но это была уже детская привычка, а не плод долгих тренировок. Запив завтрак остатками остывшего кофе, Спиридонов выглянул в окно. Поезд еще не замедлял ход, но мельтешение деревьев прекратилось, потянулись обшарпанные предместья заштатного населенного пункта с менее чем двадцатью тысячами населения. Судя по тому, что поезд движется согласно расписанию, остановка будет через шесть минут. Пора собираться.

Спиридонов тщательно вытер губы и руки полотенцем, снял трико и футболку, аккуратно сложил их в пакет, пакет засунул в чемодан, в отделение личных вещей. Туда же легли мыльница с мылом, электробритва, зубная щетка и тюбик с пастой, тюбик с лосьоном после бритья, пакет с домашней обувью.

Покончив с багажом, Спиридонов начал одеваться, придирчиво осматривая свое отражение в зеркале.

Железнодорожный вокзал города Дануево (360 лет, левый берег реки Дануй) представлял собой деревянное здание тысяча девятьсот пятого года постройки, был памятником деревянного зодчества местного значения, чудом уцелел во время войны, когда вокруг шли ожесточенные бои, и теперь поддерживался штатом сотрудников в образцовом порядке.

Здесь было всего два пути, деревянный перрон, водонапорная башня из красного кирпича, напоминавшая средневековый донжон, и маленький скверик с неизменным Владимиром Ильичом в тени лип и берез.

Поезда через дануевскую станцию проходили не останавливаясь, если не считать двух утренних и двух вечерних пассажирских составов. Стояли они не дольше двух минут, и обычно ездили на них сами железнодорожники – кто по околотку, кто в контору, так что открывались во время остановки только двери общего вагона в голове или в хвосте состава, в зависимости от направления.

Однако сегодняшнее утро не было таким сонным и безмятежным, как обычно.

Пассажирский поезд сообщением Свердловск – Ленинград пришел, как всегда, вовремя. Локомотив привычно застыл у водонапорной башни. А вот дальше все пошло совсем не так. Вместо дверей общего вагона, откуда обычно вываливались, покачиваясь не то от выпитого ночью, не то с недосыпу, двое-трое-четверо путейцев, открылись почему-то девятый и десятый вагоны.

Впрочем, не будем бежать впереди поезда. Тех самых двоих подвыпивших и невыспавшихся путейцев, обычно ехавших в общем вагоне, сегодня выдернул с нагретых мест начальник поезда. Он так и не смог связаться ни с диспетчером, ни с милицией на вокзале и потому решил привлечь для восстановления справедливости коллег из путевых частей.

Путейцы, дыша в нос, пришли в девятый вагон, где девку-безбилетницу уже вывел в тамбур проводник.

– Мужики, вы это...

Проводник хотел что-то сказать, но в это время в тамбур вышли еще и начальник поезда с милиционером. Поезд как раз начал замедляться.

– Так, – сказал начальник путейцам. – Вот ее и передадите в отделение.

– Михалыч, – нерешительно сказал проводник. – Отпусти ты ее, ну не бандитка же.

– С тобой, Гусельников, я потом поговорю, с глазу на глаз, – резко ответил начальник. – Отпирай дверь.

– До полной остановки не положено, – огрызнулся проводник Гусельников.

В мутном окне тамбура поползло здание вокзала, с улицы послышался резкий нераспознаваемый голос диспетчера, скорей всего сообщающий о прибытии поезда и времени его стоянки. Заскрипели по колесным парам тормозные колодки, поезд резко дернулся и встал.

– Открывай, – снова потребовал начальник.

Гусельников открыл дверь, тщательно закрепил, убрал подножку и протер поручни.

– Выходи, – велел начальник безбилетной пассажирке.

– Не выйду, – ответила она и вцепилась в дверную ручку.

Путейцы недоуменно посмотрели на начальника.

– Тащите ее отсюда, – распорядился начальник.

И путейцы потащили. Один схватил безбилетницу под мышки, другой попытался ухватить за ноги, но девица начала жестко брыкаться и визжать:

– Отпустите меня! Не имеете права! Ац-цы-питеееес!

Видя, что путейцы вдвоем не справляются, на помощь им бросился сержант. Он умудрился поймать левую ногу пассажирки, когда она почти пнула второго путейца, и крикнул:

– Хватай вторую ногу!

Второй путеец, разозлившись, поймал правую ногу, и они поволокли пассажирку вон.

В это время распахнулась дверь десятого вагона, и путевой обходчик, оказавшийся как раз напротив, увидел сначала пухленькую проводницу не первой молодости, которая проворно убрала подножку и торопливо вытерла поручни от пыли и копоти. Она выскочила на деревянный перрон, и обходчик увидел следующего персонажа. Сначала показались надраенные до зеркального блеска туфли. Потом – остро отточенные брюки оттенка кофе с молоком. Кожаный чемодан. Модный пиджак того же кофейно-молочного цвета. Белая сорочка и стального цвета галстук в диагональную полоску. Выбритое до синевы серьезное лицо. Строгая стрижка.

Особист, подумал обходчик, и поспешил дальше, постукивая молотком на длинной ручке по тормозным колодкам. Особист же Спиридонов спустился на перрон, улыбнулся Верочке дежурной улыбкой и поблагодарил за приятную поездку.

– Что там за шум?

– Да безбилетницу снимают.

– Прямо здесь?

– А чего тянуть?

– Действительно. Ну что ж, Верунчик, прощай, счастливого тебе пути.

– И вам, Степан Борисович, и вам... – сказала Верочка, поднялась в вагон и опустила подножку.

Милиционер с путейцем уже почти вынесли ноги безбилетницы на улицу, когда слишком свободные в талии, протертые почти до дыр джинсы соскользнули с ног девицы. Мужчины не удержали равновесия и вывалились на дощатый настил почти в обнимку, к ногам особиста.

Девица, на которой под джинсами были только бабские серые труселя, змеей вывернулась из захвата другого путейца и сама прыгнула на перрон.

– Уроды! Какие же вы уроды, а! – сквозь слезы бормотала она, вырывая штаны из рук своих гонителей. Увидев Спиридонова, она снова взвизгнула и, завладев, наконец, штанами, торопливо прикрыла себя с фронта.

– Это что за стриптиз вы здесь устроили с утра пораньше? – с иронией спросил Спиридонов. – Хорошо еще, что народу никого. Хотя...

Он посмотрел Таське за спину. Таська обернулась и увидела, как из здания вокзала, на ходу натягивая кители и фуражки, бегут три милиционера.

– Блин! – путаясь в штанинах, она стала надевать джинсы.

Поверженные мужчины уже встали. Проводник Гусельников поднял упавшую на ступеньки Таськину переметную суму, всю расшитую бисером, кожаными шнурками и люрексом, с бахромой из мулине, и отдал владелице с виноватым видом. Таська на проводника даже не смотрела – стыдно было, что у такого хорошего дядьки неприятности теперь из-за нее. Так и расстались, не сказав ни слова.

– Гусельников, Федоров, и так задерживаемся! – крикнул начальник поезда, выглядывая из вагона.

Локомотив действительно свистнул, состав дернулся – один раз, другой – и начал набирать скорость. Сержант вскочил в вагон, за ним впрыгнул проводник Гусельников, и на перроне остались только путейцы и Таська.

– Что за шум? – спросил лейтенант из местных стражей порядка, застегнув последнюю пуговицу на кителе.

– Так мы это... – вразнойой начали путейцы.

– А, это у нас Туханин и Людочкин, – усмехнулся милиционер. – Опять жареные.

– Толян, ну ты че, мы же не на работе! – сказал тот путеец, что недавно держал Таську за ногу.

– А чего хулиганите?

– Мы хулиганим? Мы вот эту с поезда снимали, она без билета. – И путеец ткнул пальцем в девушку. – Начальник поезда просил сдать ее в отделение.

– Документы есть? – спросил лейтенант у Таськи, которая беспокойно озиралась. Два других милиционера на всякий случай отрезали ей путь к бегству.

Впрочем, вертела головой Таська не потому что искала, куда бежать. Интересно ей было, куда испарился тот тип в костюме. Еще несколько мгновений назад он был рядом, а сейчас – фьють! – исчез.

– Чего? – переспросила она.

– Документы, говорю, есть? – терпеливо переспросил милиционер.

– Полная сумка.

– Идем в отделение, протокол составлять будем. Туханин, Людочкин, вы куда?

– Так, Толян, у нас же выходной!

– В отделение, я сказал. Свидетелями будете.

– Ну Толян...

– Единственный раз попросил вас проявить гражданскую сознательность, а вы в кусты?

– Ну выходной же...

– Напишу докладную.

Туханин и Людочкин понуро двинули на вокзал. Следом пошли лейтенант Толян и, в сопровождении двух милиционеров, Таська.

Спиридонов, стоя в тени сирени, проводил процессию взглядом, после чего обошел вокзал по едва заметной в разбушевавшейся весенней зелени тропке и вышел на привокзальную площадь.

2

Окно в кабинете председателя дануевского горисполкома было распахнуто. Во-первых, весна, за окном цвели яблони – и красиво, и дух хороший. Во-вторых, окно выходило прямо на улицу, а слух у председателя был прекрасный, и все, о чем говорили на улице, он слышал, будь то бытовая сплетня, политический анекдот или критика в адрес администрации. А в-третьих, отопление до сих пор работало, и в кабинете было нестерпимо жарко. По плану должны были выключить после майских праздников, но весна выдалась ранней, с середины апреля уже припекало, а сейчас был просто ад адский. Можно было бы решить вопрос – позвонить на ТЭЦ, распорядиться, чтобы прекращали топить, но была небольшая тонкость: аккурат Первого мая должна прибыть культурная делегация из-за рубежа, и если вдруг ударит дубак – можно и оскандалиться. Так что нехай кочегарят дальше.

В девять утра пиликнул селектор.

– Иван Иванович, к вам посетитель. Из Москвы.

Посетитель – это было их кодовое слово. Обычно Тамара спрашивала визитеров, как их представить и по какому они делу. Абстрактный «посетитель» обозначал товарищей из органов. А товарищи из органов означали лишние хлопоты.

Иван Иванович накинул на шею извлеченный из ящика стола галстук, застегнул пару пуговиц на рубашке и официальным голосом разрешил:

– Запускайте.

Посетитель был хорош собой – богатырских статей красавец, молодой, почти юный, безупречно одетый, с открытым добродушным лицом. Лейтенант КГБ, отличник боевой и политической подготовки, к бабушке не ходи.

– Здравствуйте, Иван Иванович, – поздоровался красавец, без стеснения прошел к столу, отодвинул стул и сел в свободной открытой позе, положив на стол черную кожаную папку, довольно тощую.

Председателя, однако, такие кунштюки не смущали. Он видел войну, фашистов, прошел довольно долгий путь от простого глиномеса до директора керамического завода, и ввести его в замешательство было трудно.

– Здравствуйте, – он привстал с места и протянул руку особисту.

Тому ничего не оставалось, как тоже привстать и ответить на предложенное рукопожатие.

– Чем могу быть полезен? – спросил Иван Иванович, садясь обратно в кресло. – Кстати, не расслышал, как вас зовут.

– Меня зовут Спиридонов Степан Борисович, я представляю здесь интересы государства.

– Как же, как же, – кивнул председатель: мол, разве ж я сомневаюсь? – Мы все их здесь представляем. Удостоверение можно ваше?

Гость достал из внутреннего кармана красное удостоверение и дал хозяину кабинета тщательнейшим образом изучить документ. Иван Иванович довольно улыбнулся – с лейтенантом он попал в точку – и уже менее официально спросил:

– Полагаю, вы к нам в связи с Миленьким приехали? Так у нас все под контролем, не переживайте, ваши коллеги вполне...

Спиридонов будто ожидал этого вопроса.

– Не совсем. Я к вам приехал в связи с визитом американской делегации.

– А что делегация? – удивился председатель. – Облисполком контролирует, Политбюро контролирует, ваши товарищи тоже контролируют. Мы вписываемся в сроки. Американцы как раз попадут на майские праздники! Вы же видели – на улицах полным ходом субботник идет!

– Вы меня не дослушали. Тут есть тонкий нюанс. Вы знаете, что ваш Миленький сейчас чрезвычайно популярен на Западе?

– Что? Миленький? На Западе? – искренне удивился Иван Иванович. – Чем это, извините, он популярен? И как умудрился?

Спиридонов развернул папку и расстегнул на ней молнию.

– Вот, полюбопытствуйте. Это вырезки из западногерманской, американской, французской и английской прессы. – И Спиридонов подвинул извлеченные из папки полоски газетной бумаги председателю.

Иван Иванович надел очки и долго рассматривал настоящие иностранные газеты.

– Вы меня извините, я, кроме «хенде хох», на иностранном ничего не знаю. Что там написано?

– Написано там, Иван Иванович, что русский фотохудожник Святослав Миленький весьма самобытен и его работы пользуются высоким спросом у художественных галерей и частных коллекционеров современного искусства.

– Чего? Это то, что он своей самоделкой щелкает? – Иван Иванович продолжал дивиться. – Это же тихий ужас, похабень.

– А вот гнивающий Запад думает иначе. Те его фотоработы, которые чудом проникли за рубеж – нам, кстати, предстоит выяснить, по каким каналам, а то местные комитетчики, похоже, совсем мхом поросли! – так вот, эти его поделки стоят баснословных денег. На аукционах «Сотби» и «Кристи» их покупают немногим дешевле Кандинского и Малевича.

Иван Иванович сидел, пораженный.

– Вот засранец, – сказал он, придя в себя. – А мы эти его картинки рвем и сжигаем. А можно было продать все буржуям, а на эти деньги...

Особист перебил его:

– Полегче, Иван Иванович.

Председатель недоуменно посмотрел на Спиридонова:

– А что, я неправильно мыслю? Пусть приносит пользу, дармод! Если там, на Западе, они любят такую безобразную пачкотню – пускай жрут от пуза. Как говорится – дай вам боже, что нам не гоже. Продать им все его карточки, нехай любуются. А мы на вырученные деньги дома построим, оборудование на заводе обновим. Мы же их так по миру пустим!

– Вы не понимаете, – мягко сказал Спиридонов. – Возможна идеологическая диверсия. Попросят американцы встречи с этим вашим самородком и предложат ему политическое убежище.

Лицо Ивана Ивановича забавно сморщилось.

– Что? Миленькому? Убежище?

Тут его разобрал такой смех, что Спиридонову на какой-то момент показалось, что мгновенно покрасневшее и надувшееся лицо Ивана Ивановича сейчас лопнет и забрызгает кровью все вокруг.

– С вами все в порядке? – спросил Спиридонов.

– Ох, Степан Борисыч, ох, насмешили, – хохоча, ответил председатель. – Обождите секундочку.

Все еще смеясь, Иван Иванович нажал на кнопку селектора:

– Тамара Александровна, чаю нам сообразите, пожалуйста! – После чего из нагрудного кармана пиджака, висевшего на спинке кресла, достал носовой платок и вытер глаза, из которых уже лились слезы.

– Я сказал что-то смешное? – с недовольством спросил Спиридонов.

– Нет-нет, Степан Борисович, вы ничего смешного не сказали. Тут, так сказать, местный непередаваемый юмор. Ох... – он глубоко вздохнул, успокаиваясь, и посмотрел на гостя: – Вы хотя бы представляете себе, кто такой Миленький? Справки у местного комитета наводили?

Спиридонов фыркнул:

– Диссидент махровый ваш Миленький, вот кто.

В это время открылась дверь, и в кабинет, пятясь, вошла секретарша Тамара Александровна. Она держала большой поднос, на котором, слегка подрагивая, будто от страха упасть, стояли красивые фарфоровые чашки, чайник и сахарница. Спиридонов еще в приемной удивился, что у председателя горисполкома секретарше явно лет сорок, и это не обычная секретутка, которых держат при себе директора заводов или городские начальники. Тамара Александровна была недурна собой, но строга до чопорности и призвана, очевидно, вызывать у случайного посетителя робость.

– Тамара Александровна, спасибо, голубушка, – сказал председатель. – Распорядитесь, чтобы Леонтьев машину подогнал минут через двадцать, к Миленькому поедем.

Тамара Александровна, пройдя к столу, поставила поднос рядом с папкой Спиридонова и с раздражением сказала:

– Опять этот Миленький. Дурдом по нему плачет.

Председатель встал с кресла, обошел стол справа и уселся на стул напротив гостя.

– Думаете? – он лукаво посмотрел на помощницу. – А вот товарищ из госбезопасности считает, что в нем кровно заинтересованы наши враги.

Тамара Александровна, заметно оживившись, сказала:

– Вот и хорошо, пускай забирают! Зачем он нам? Асоциальный тип! Нехай катится на все четыре стороны, маньяк сексуальный!

Иван Иванович обернулся к Спиридонову:

– Вот видите, народ отпускает Миленького на все четыре стороны. Может, стоит прилечь? – И тут же снова посмотрел на секретаршу: – А между тем, любезная Тамара Александровна, наш гость утверждает, что работы Миленького на Западе больших денег стоят. Прямо как Малевич и этот... как его... Кандинский!

– Тьфу, дерьма-то, – Тамара Александровна презрительно посмотрела в окно. – Да я сама лучше нарисую! Вот, тоже мне, нашли кем восхищаться. У нас на заводе Болотов, художник-оформитель – вот тот талант, ничего не скажешь. Вы видели на входе портрет Леонида Ильича? Это Болотова работа, вот кто настоящий художник.

Секретарша ушла, грозно стуча каблуками, и так резко закрыла дверь, что поток воздуха долетел до мужчин, а Спиридонову показалось, что сейчас косяк выскочит. Впрочем, у самого косяка Тамара Александровна дверь придержала.

Председатель восхищенно поцокал языком и сказал:

– Серьезная женщина! Беспартийная только. Иначе бы далеко пошла.

Он разлил чай по чашкам и кивком предложил гостю присоединиться:

– Сейчас попьем чайку и поедем посмотреть нашего Миленького. Кстати, обратите внимание, – он кивнул на сервиз, – производство нашего завода керамики. Видите, какая форма изящная? И расцветка веселая. Что нарисовано – сам не разберу, но глаз радует. Тоже Миленький. Он, засранец, что ни придумает – все весело выходит.

Спиридонов удивленно посмотрел на чашку, из которой пил. Форма у нее и впрямь была изящная, а абстрактный рисунок непрерывно превращался то в обнаженную женщину, то в зимний пейзаж с холмами, то в какого-то хищника, подкрадывающегося к добыче.

Председатель продолжил светскую беседу:

– Вы утренним поездом прибыли? Шестичасовым?

– Да.

– Не подумайте, что я подозреваю вас в чем-то, просто городок-то у нас невелик, значных мест нет, магазины и столовые с восьми работать начинают. Я несколько раз подымал вопрос в обкоме – мол, если утром человек приедет, то ему и податься некуда. Нерентабельно, говорят, да и никто к тебе, говорят, Маховиков, не ездит, так что успокойся. Ан вот – приехали же. И что? Вы три часа на вокзале ждали?

– Зачем на вокзале? Сначала в местный комитет зашел, командировочное отметил. Потом в гостиницу заселился.

– И как вам?

– Весьма недурно для вашего городка. Хотя как вы будете там делегацию размещать, не понимаю – номеров-то одноместных всего три. А американцы, между прочим, коллективизма не любят, им обязательно нужен отдельный туалет, отдельная душевая.

– Что вы, делегацию мы разместим в заводском доме отдыха, в санатории. Гостиница у нас пока... кхм... не в приоритетах.

– Почему?

– Да все потому же – не ездит никто. А потому и не ездят, что некуда.

– А как же вам удалось американскую делегацию заполнить?

– Да черт их знает, какая их муха укусила. Захотелось им старинные русские города посмотреть. Вот мы как-то и оказались на их маршруте. Между прочим, прокладывали-то его не у нас, а у вас, в Москве. Может, вы сами и прокладывали.

– Это уже не в моей компетенции.

Иван Иванович посмотрел на настенные часы.

– Ну так что, прокатимся? – спросил он.

– Прокатимся, – легко согласился Спиридонов.

Председатель ему почти нравился. Хороший мужик – деловой, спокойный, без барства этого мелкопоместного. Но при этом какой-то слишком самостоятельный и слишком умный.

Или настолько опытный, что сразу в корень зрит? Спиридонов и в самом деле приложил руку к маршруту, по которому американская делегация будет двигаться из Москвы в Ленинград. Правда, никто об этом не знал. Пока не знал, потому что подлог наверняка всплывет. Единственное, на что надеялся Спиридонов, – неповоротливость системы. Сразу никто не догадается, что это не ошибка, а спланированная акция. А потом Спиридонов будет уже далеко.

Они вышли на улицу. У входа в исполком их ждал «уазик».

– Вы ездите на «козле»? – удивился гость. – Вам же по статусу «Волга» полагается.

– Да вы садитесь, – председатель распахнул заднюю дверь, приглашая Спиридонова.

Лейтенант послушно сел в автомобиль, Иван Иванович расположился рядом и сказал водителю:

– Леонтьев, давай к Миленькому. Только не гони, ладно?

– Понял, не дурак, – покладисто ответил Леонтьев.

Машина фыркнула и мягко пошла вперед.

– Ну вот, – продолжил председатель, когда «козел» вырулил на проезжую часть, – сейчас вы увидите, как мы тут живем.

Улица, по которой неторопливо катил «уазик», была, по всей видимости, главной артерией города. Народу не очень много – прохожие в основном дошкольного и пенсионного возрастов. Изредка попадались небольшие группы взрослых – дорожные рабочие белили бордюры, кто-то вывешивал красные флаги на фасады домов, двое монтеров с автовышки натягивали через дорогу транспарант «НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ!».

– Да у вас тут учебные фильмы снимать можно, – улыбнулся Спиридонов. – «Как должен выглядеть развитой социализм».

– Это не моя заслуга, предшественника моего, Отинова Дмитрия Гаврилыча, – отмахнулся Маховиков. – Да, если подумать, и он ни при чем, просто традицию соблюдал. У нас тут беспорядок только во время войны был, а так, сколько помню, всегда чистенько и пустенько. Если надумаете в музей наш зайти, там много фотографий дореволюционных, и везде одно и то же – пустота и чистота.

– А в чем же ваша заслуга?

– А вы у народа потом спрашивайте. Только я вам наперед скажу – ругать будут. Как и Отинова до меня ругали. А до него Лапина. Спросишь прямо – чего тебе, мерзавец, не хватает? Улыбается – все ему хорошо. А за глаза и вором тебя обзовет, и вредителем.

– А вы, значит, не вор?

– А хоть бы и вор, разве ж я сознаюсь? – рассмеялся председатель. – Город у нас маленький, все у всех на виду, как в деревне. Врать не буду – народ у нас ушлый, своего не упустит. Но это не вороватость, а предприимчивость. Валяется вещь без дела день, неделю, гниет. Кому не надо – тот и пройдет мимо. А кому надо – поднимет и к делу пристроит. У нас план по сдаче металлолома никогда не выполнялся. И по прочему утильсырью мы тоже в отстающих. Потому что у нас вещи служат, пока не разваливаются. Не поверите – до сих пор в городском хозяйстве два бульдозера, которые из подбитых танков собрали. Семь школ в городе, и в каждой есть по грузовику – ребят автоделу обучать. Списывают ведь транспорт, его на улицу не выгонишь, а тут и ребятам польза, и хозяйству – у нас даже девчонки в городе умеют машину водить. Транспортных происшествий за год – ноль целых хрен десятых! Да вон, Леонтьева спросите. Леонтьев, ты с какого возраста за баранкой?

– С десяти.

– Вот, а сейчас ему, обалдую, двадцать пять. После армии к нам устроился. Леонтьев, ты ведь Отинова возил?

– Я.

– А Самойленко?

– Тоже я.

– И будьте уверены – до пенсии здесь проработает, а то и дольше. До него водитель был Поликарпов – до смерти за баранкой. Леонтьев, Поликарпову сколько было?

– Кому Поликарпов, а кому и Самсон Леонтьевич. Восемьдесят три ему было.

– Вот, я же говорил, – довольный глава исполкома откинулся на спинку сиденья.

– А куда вы предыдущих глав администрации деваете? – спросил Спиридонов.

– Странные вопросы. Разумеется, на повышение. От нас все только на повышение. Самойленко в облисполком ушел, Отинов – в министерство. Я, думаю, тоже по министерской линии пойду.

Спиридонов рассмеялся:

– Откуда ж такая уверенность?

Маховиков наморщил лоб.

– Ну во-первых, я это место только отбываю, не добивался я его. Во-вторых, я технолог по жизни, меня не руководство занимает, а оптимизация производства.

– А чего ж ушли с завода?

– Масштаб не мой. Вот я годика три еще здесь посижу – и в Москву. И кто за мной придет – тоже надолго не задержится.

Надейся, подумал Спиридонов, но вслух спросил:

– Значит, все у вас в ажуре?

– В полном.

– А если у вас такой ажур, то почему вы терпите в городе этого Миленького?

Председатель поерзал на сиденье – видимо, привык сидеть спереди, а сзади было непривычно.

– Тут, Степан Борисович, политические моменты учитывать требуется, – сказал он, устроившись поудобнее. – Предприятие у нас в городе одно – завод керамических изделий. Я сам с него начинал. Производим санфаянс, безделушки разные, очень много идеологической продукции лепим. А все благодаря кому, по чьим эскизам? Наш завод потому и в передовых, что по эскизам Миленького продукцию гонит. Разбирают все, как горячие пирожки, от унитазов до сервисов. Не говоря уже об идеологической продукции.

– И ее Миленький?.. – удивился Спиридонов.

– Нет, что вы, у нас особый отдел за этим строго смотрит. Идеология вся у нас на Болотове, тот свое дело туго знает. К тому же у Миленького на политику идиосинкразия... я правильно произношу?.. да... Мы, чтобы без скандалов, на эту тему с ним вообще никогда. Зато все остальное – пожалуйста.

– Вас послушать, так он просто Герой соцтруда!

– Степан Борисыч, родненький, зачем вот так грубо слова мои перевернуть? Про Героя соцтруда я ничего не говорил. Хотя столько, сколько Миленький за месяц работы на нашем заводе сделал – целый творческий коллектив за пятилетку не успевал. У него тут, видите ли, болдинская осень случилась. Вот на этой болдинской осени по сей день работаем. Да было бы у нас таких Миленьких на каждом предприятии – Запад бы у нас в ногах валялся и умывался слезами зависти. Вам бы на него только глазком взглянуть – сами обрыдаетесь. Ну какой Миленький диссидент? Неудачник, опустившийся человек, сами сейчас увидите. Но! – и тут прошу занести мои слова в протокол, или что там у вас? – никуда мы его не отпустим. Такая корова, как говорится, нужна самому. На нем экономика держится! Вот, кстати, мы и приехали.

«Козел» лихо развернулся и встал как вкопанный. Спиридонов посмотрел в окно, изменился в лице и обернулся к председателю.

– Вы куда меня завезли?

3

Менты оказались не какие-нибудь звери лютые, а обычные люди. Протокол линейного милиционера они сразу порвали и выбросили в урну. Мол, всякие сочиняют, а голова болит у нас. Связываться с несовершеннолетней девицей – а Таське едва исполнилось семнадцать – ментам не хотелось. Это оформление в приемник-распределитель, опять писанина: где, когда, при каких обстоятельствах... Вместо этого дежурные по вокзалу накормили ее домашней снедью, напоили чаем, показали, где туалет, потому что от чая отчаянно хотелось в уборную. Хомяк был неправ – менты вовсе не страшные.

Лейтенант Забийворота, старший в наряде, пухленький мужчинка не то тридцати, не то пятидесяти лет с виду, мягко пожурил Таисию за безбилетный проезд, подарил старые подтяжки, бог знает каким образом оказавшиеся в ящике его стола (чтобы джинсы не сваливались), и отпустил на все четыре стороны.

– Чего? – не поняла Таська.

– Гуляй, говорю, свободна.

– Так я же...

– Мне что – оформлять тебя?

– Нет, не надо, спасибо.

Таська пулей вылетела из клетушки, которую занимало вокзальное отделение.

Мир действительно не без добрых людей, проводник Гусельников Таську не обманул. Она стояла на привокзальной площади, полной грудью вдыхая воздух свободы с растворенным в нем ароматом цветущей яблони, и радовалась, что Хомяк какое-то время может еще пожить спокойно.

Дверь за спиной громко хлопнула, и Таську окликнули:

– Эй, малахольная! Барахло-то свое оставила!

Таська вздрогнула и обернулась. Лейтенант Забийворота нес ее переметную суму.

– Ой, дура! – Таська звонко шлепнула себя ладошкой по лбу и повесила сумку на плечо. – Спасибо, дяденька.

– Не дяденька, а товарищ лейтенант.

– Спасибо, товарищ капитан! – рассмеялась девушка и откозыряла прямой ладонью.

– Эх, кто вас воспитывает, – покачал лейтенант головой. Он собрался уже вернуться в отделение, но вдруг что-то сообразил и задержался. – А дальше-то ты куда собираешься?

– Как куда? – удивилась Таська. – Я в Ленинград еду, в Мухинку поступать.

– Опять зайцем? Тебя ж опять снимут, только в следующий раз точно домой, к родакам отправят. И как они тебя такую отпустили?

– У меня Хомяк придерживается свободных взглядов на воспитание.

– Какой еще хомяк?

– Ну папа мой. Я его Хомяком зову. Он мне ничего не запрещает делать.

– Я заметил.

Забийворота снял фуражку, вынул из нее носовой платок, протер лысину и шею.

– Вот что, девка. Есть у меня к тебе деловое предложение...

Таська внимательно выслушала мента. Хомяк предупреждал – с незнакомыми мужчинами разговаривать как можно меньше, не принимать никаких подарков или предложений, держаться мест, где много народу и можно позвать на помощь. Но она уже столько раз нарушала этот родительский наказ, что теперь-то уж и смысла не было о нем вспоминать. Тем более что предложение оказалось заманчивым.

– Идет, – согласилась она.

– Все поняла?

- Да поняла же, поняла!
- Не заблудишься?
- Ваши инструкции исчерпывающи, товарищ лейтенант.
- Забудешь...
- Я ничего не забываю!

Лейтенант скептически посмотрел сначала на Таську, потом на ее сумку.

– Ну смотри, заблудишься – я тебя искать не буду.

Таисия чмокнула милиционера в щеку и убежала.

– От идиётка, – хмыкнул Забийворота, прикоснувшись к поцелую пальцами. Проводил взглядом Таську и вернулся на рабочее место.

А Таська бежала, напевая «Шизгару», и чувствовала, как начинает любить этот город, этих людей и этот мир. При этом она повторяла про себя все, что сказал лейтенант.

«Короче, слушай. Сейчас пойдешь по главной – проспект Ленина называется».

Таська посмотрела на табличку с надписью «Прспект Ленина», аккуратно прибитую к стене, кивнула и пошла дальше. Судя по солнцу, улица была ориентирована на восток.

Навстречу ей торопился народ. Кто-то шел сам по себе, кто-то в компании, кто-то волок за собой детей – очевидно, в детский сад. Люди переговаривались вполголоса, дети плакали или умильно лопотали, из некоторых окон доносились обрывки радиопередач, песен – отечественных и зарубежных, даже где-то зудела гаммы скрипка. Все эти звуки Таське очень нравились, потому что она была сама по себе, и никто не вентилировал ей мозги.

Время от времени мимо дребезжали оранжевые рейсовые автобусы, до отказа забитые людьми. В обратную сторону они ехали почти пустыми. Таська испытывала к тем двум-трем пассажирам, которые ехали в пустом салоне, что-то вроде зависти. Едут себе, ни с кем не толкаются, не скандалят. Хоть какое-то время могут побыть в одиночестве. Таська не понимала, почему люди боятся одиночества. Те редкие моменты, когда она оставалась одна, всегда были самыми счастливыми.

Мысли об одиночестве прервал голос лейтенанта в голове.

«Улица длинная, никуда не сворачивай. Пройдешь до самого памятника Ленину, обогнешь его справа».

Этот Ильич был совсем не такой, как в сквере у привокзальной площади. Привокзальный Ленин, сидящий на скамейке и читающий газету, по пропорциям казался едва ли крупнее среднего мужчины. Если бы не постамент и не олифа с алюминиевой пудрой, которой выкрасили вождя, можно было бы подумать, что в скверике впрямь сидит и читает мужик.

Монумент же, воздвигнутый на площади, выполнен был из гранитных блоков, швы просматривались, но они придавали памятнику какой-то внутренней силы. Этот Ленин был высотой с трехэтажный дом, пальто на нем развевалось, он куда-то торопился – не то на митинг, не то на заседание Совнаркома. Выражение лица у Ильича деловое – наверняка уже знает, как реорганизовать Рабкрин.

Таська, дурачась, обошла памятник строевым шагом, печатая шаг, вздернув руку в пионерском салюте, равняясь на строгое выражение лица вождя. Разумеется, как и велел Забийворота – справа.

«Там увидишь автобусную остановку, – напомнил лейтенант. – Сядешь в «восьмерку».

Повертев головой, Таська увидела остановочный пункт с неременной скамьей из выкрашенных зеленой краской брусков на бетонных кубах, красно-белые перила, отделяющие проезжую часть от платформы, и пару пенсионерок с рюкзаками, саженцами и сумками, в которых с одинаковой долей вероятности могли находиться как удобрения, так и дневной рацион.

Подкатил полупустой автобус с цифрой 8 во лбу. Таська вошла через заднюю дверь и уселась слева по ходу движения. Пенсионерки сели напротив, спиной к водителю. Двери

с лязгом захлопнулись, автобус покатило. Пенсионеры тотчас перестали обсуждать методы борьбы с проволочником и уставились на Таську. Таське такое бесцеремонное разглядывание не нравилось. Ну да, выглядела она немного вызывающе в своем хипповском наряде, но менты же ей про одежду ничего не сказали... А эти смотрели так, будто Таська у них деньги украла.

«Не забудь купить билет, конец месяца, на «зайцев» охота! Вот, держи шесть копеек».

Таська снова шлепнула себя ладошкой в лоб, достала из сумки кошелечек с мелочью и подошла к билетной кассе. Она встала так, чтобы попутчицы видели, как три двушки одна за другой падают в щель плексигласового колпака. Несколько раз покрутив колесико на стальном боку кассы, Таська оторвала высунувшийся из щели, как язык, билет и торжественно вернулась на место. Тетки продолжили прерванный разговор, будто ничего не произошло. Таська уставилась в окно.

За окном сначала тянулся какой-то пятиэтажный микрорайон. Очередь у булочной, очередь у молочной кухни, очередь у продуктового – горожане ждали открытия магазинов. Потом микрорайон резко оборвался, и пошла лесополоса. Впрочем, лесополоса закончилась так же внезапно, как и началась, и потянулся длинный забор, сколоченный из горбыля, за которым виднелись плоские и двускатные крыши маленьких домиков, покрытых где-то толем, а где-то и шифером. Через минуту автобус вписался в узкий, явно односторонний, поворот и остановился.

– Садовое товарищество «Сад и ягодка», конечная остановка, – объявил водитель по громкой связи.

Пенсионеры, кряхтя и охая, вышли из передней двери, Таська, как и вошла – через заднюю. Некоторое время она простояла перед воротами, дивясь на странное название товарищества. Забыворотта затруднился прояснить этимологию топонима, он даже словосочетания-то такого не понял. Махнув рукой на эту тайну, Таська прошла в ворота и, ознакомившись с планом садов и огородов, направила стопы на улицу Цветочную, в самом конце которой, почти вплотную к забору, притулился садовый участок лейтенанта, с яркими петухами, нарисованными на ставнях маленького домика.

Она отворила калитку, ступила на импровизированный тротуар, которым служила расстеленная на земле транспортерная лента, и прошла к домику. Ключ от ригельного замка висел тут же, на косяке.

Обстановка в избушке была, прямо скажем, спартанская. У дальней стены двустворчатый шкаф и раскладушка, у окна стол, рядом с дверью тумбочка. На чердак вела приставная лесенка, но туда Таська пока не торопилась. Она снова вышла на улицу, чтобы посмотреть, что ей предстоит сделать.

А предстояло ей ни много ни мало – перекопать огород и грядки. Четыре сотки. И полную бочку воды набрать.

– Как управиться, так и куплю я тебе билет до Ленинграда, – скривившись, повторила Таська слова лейтенанта.

Она, конечно, для проформы поинтересовалась, не постричь ли еще розовые кусты и не отделить ли просо от пшена, но лейтенант юмора не понял.

– Согласная или нет? – спросил он.

Таська, конечно, была согласная. Хоть мир и не без добрых людей, но за добро надо платить добром. Четыре сотки – это не шесть. И земля здесь вполне ухоженная, видимо, Забыворотта свой участок любит и заботится о нем. Конечно, если бы не холостяцкая обстановка в домике, можно было подумать, что огородом занимается жена лейтенанта, но женой там и не пахло. Значит, один мужик мантулится.

Минут пятнадцать Таська готовилась к трудовому подвигу. Достала с чердака садовый инвентарь, подточила лопату напильником. Переделалась в ту одежду, что нашла в шкафу.

Это была мужская клетчатая рубаша неопределенного цвета, слегка затхлая, но на свежем воздухе это не важно. Она надела рубашу на голое тело, завязала полы узлом на животе. Из своего на ней остались только бабьи труселя грязно-белого цвета, последние свежие. Галоши были Таське велики, и она решила работать босиком.

Эмалированные ведра тоже имелись. Таська сполоснула их из шланга, наполнила и поставила воду греться на солнцепек. Поднявшись по лестнице, засунула шланг в огромный сварной бак на ножках, установленный у самого забора, – видимо, там лейтенант грел воду. Пусть наполняется, пока она будет копать.

И только после этого, поплевав на ладони, взялась за черенок.

У них с Хомяком тоже был участок. Хомяк интересовался агрономией, смотрел передачи, читал специальную литературу.

– Культурный человек должен сам уметь о себе позаботиться, – говорил он, перекапывая участок.

Ладони у Хомяка, вообще-то бухгалтера по профессии, были жесткие и твердые, несмотря на весь беззащитный и никчемный вид. Хомяка все уважали за трудолюбие и образованность и презирали за эту его «связь с корнями». Начальник упрекал – мол, вы же интеллигент, что вы вечно, как алкаш, в резиновых сапогах по осени и в валенках зимой шастаете? Никто же так не ходит. И огородничество это ваше: у вас зарплата маленькая, что ли, на прокорм не хватает?

Хомяк смиренно все выслушивал и не спорил, хотя зарплата была действительно невелика. А дочке говорил, что физической работы не нужно стесняться. Потому что в экстремальных обстоятельствах только человек, который умеет работать кайлом, лопатой и молотком, выживет сам и спасет окружающих. Что именно подразумевалось под «экстремальными обстоятельствами», он никогда не уточнял.

У него вообще была мечта – жить в деревне натуральным хозяйством: завести кур, свиней, овец, корову, кроликов, разбить огородик и заниматься лишь своим хозяйством.

– Хомяк, тебя раскулачат, – сказала Таська.

Она точь-в-точь повторила слова самого Хомяка, которые он сказал дочке, когда та предложила выращивать яблоки на продажу.

– Мы же для себя, – возмутился Хомяк.

– Раскулачат как единоличника.

Как и отец, Таська умела и не стеснялась работать. Копать, полоть, шить, стирать, готовить – все это она хорошо делала лет с восьми. Вот готова четверть огорода. Вот половина. Вот весь огород перекопан.

Вспотевшая, растрепанная, Таська довольно окинула взглядом дело рук своих. Послышался плеск воды, Таська обернулась и увидела, что из бочки стекает вода. Она шлепнула себя грязной ладонью по лбу – жест, перенятый от Хомяка, – и побежала перекрывать воду.

Завернув барашек крана, она подошла к ведрам, потрогала воду и осталась в целом довольна – можно начать постирушки. Четверо трусов, три пары носков, лифчик. Хозяйственного мыла на чердаке было кусков сто, наверное. В левом ведре постирала носки, в правом – белье, развесила на веревке сушиться. Все, теперь оставалось дожидаться лейтенанта, получить билет – или деньги на него, – и Питер в кармане.

Солнце шпарило, как летом. Можно и позагорать, но купальника не было, а голышом Таська стеснялась. Зато ее посетила прекрасная мысль – под баком, который она только что наполнила, у лейтенанта имелась маленькая импровизированная душевая кабинка, вроде деревянного сортира, но для мытья. Решив, что быстро сполоснуться не помешает, Таська взяла хозяйственное мыло и пошла смыть с себя грязь и пот.

Вот она вошла в деревянный параллелепипед, вот закрыла дверь, вот на дверь с той стороны переброшена рубаша и трусы, а снизу видны только голые грязные щиколотки.

Полилась вода. Таська завизжала.

4

Вопрос, который задал Спиридонов, относился к разряду риторических, однако председатель исполкома решил ответить.

– А будто вы сами, Степан Борисович, не видите, – сказал Маховиков, разминая сначала шею, а потом поясницу. – Это наша городская свалка. Место, понимаю, неаппетитное, но, согласитесь, ни один город без свалки не живет. Не святым, как говорится, духом питаемся.

Спиридонов огляделся. Кто бы мог подумать, что маленький городок способен производить столько мусора? Тут выросла целая горная система отходов, если не Гималаи, то Кавказ точно. Над горами этими, как на известной картине художника Верещагина, кружили тучи птиц – ворон, галок, чаек. Они непрерывно кричали, дрались, отбирали друг у друга добычу. Над ними, как штурмовики, барражировали коршуны, изредка пикируя вниз.

Очень скоро Спиридонов понял, почему коршуны не охотились на птиц. По горам мусора, словно архары, носились крысы. По счастью, размеры и экстерьер грызунов уступали горным козлам, в противном случае Спиридонов бы из машины выходить не рискнул. Крыс гоняли не только птицы, но и несколько облезлых тощих шавок, из тех, что вот-вот содохнут, но никак не сдыхают, и процесс этот может затянуться на годы.

Пейзаж подергивала сизая дымка от вяло тлеющих костров, пахло горелой пластмассой, резиной, картоном, формальдегидом – словом, всем тем, чем пахнет любая помойка.

Председатель, очевидно, представлял себя на сцене какого-нибудь академического театра, потому что жесты его были широкими, а голос форсировал всю свалку:

– Это, Степан Борисович, постоянное место жительства нашего благодетеля и бессребреника. Обратите внимание – мусора много, но он почти весь рассортирован по размеру и материалу. Костры видите? Это Миленький провода обжигает. Тонну меди, наверное, уже собрал, и все из маленьких огрызочков.

– Вы что, американцев тоже сюда привезете?! – не поверил собственной догадке Спиридонов. – Иван Иванович, ваш специфический юмор начинает уже немного утомлять. Зачем вы меня сюда привезли, к чему этот цирк со свалкой?

– А вы думаете, у них в Америке свалок меньше? – усмехнулся Иван Иванович. – Да ни в жизнь не поверю. Вы по телевизору видели? Их бездомные сами на помойках живут, прямо в картонных коробках! Между прочим, у нас свалка получше некоторых. Роза ветров идеальная – вся вонь уходит в сторону глиняного карьера! Осторожно, тут по дощечкам надобно.

Будто по минному полю, председатель и Спиридонов прошли по узким, чавкающим в грязи доскам.

– Откуда вода? – удивился Спиридонов. – Осадков-то не было.

– Это все из-за карьера, – ответил председатель. – Снега в выработках накапливается много, глина талой воде уходить не дает, вот вода постепенно и стекает в низину, то есть сюда.

– И что толку от такой розы ветров?

– То и толку, что все говно здесь остается и никуда не девается.

Маховиков продолжил водить гостя среди мусорных куч. Шел он уверенно, будто домой по знакомой улице. Мимо горы битого стекла к штабелю гнилых досок, от штабеля направо, между железным ломом и горой окаменевших кусков цемента. Спиридонов подумал: если председатель задумал его убить, то лучшего места, чтобы избавиться от трупа, не найти. Даже прикапывать не нужно – местные обитатели обгложут до костей за день.

За очередным мусорным холмом оказалось относительно расчищенное от мусора сухое место. Здесь даже воняло меньше, и Спиридонову почудилось, что вонь эта не имеет к помойке никакого отношения. Посреди этой площади стоял фургон автозака, разрисованный голыми бабами.

Из трубы на крыше фургона шел дымок.

– Это здесь? – догадался Спиридонов. – Ваш благодетель живет на помойке? Определенно, вы знаете, в каких условиях содержать подателя благ.

– Что, впечатляет? – Казалось, Маховиков не распознал сарказма в реплике гостя. – Это вы еще внутрь не заходили, там вообще кунсткамера! Нам повезло – Миленький дома, а то он мог и на охоту выйти, ищи его тогда...

Он это с такой гордостью говорил, будто сам этот срач и устроил. И тогда Степан Борисович понял – его просто проверяют. Это шутка такая, розыгрыш. За ним наблюдают, наверное, прямо из этой будки. Спиридонов любил шутки, но если шутили над ним, становился немного раздражительным, поэтому, когда председатель предложил посетить скромное жилище гения, ответил:

– Я не буду туда заходить.

– Простите? – не понял председатель.

– Не нужно проверять мою брезгливость, Иван Иванович. Вы меня уже провели по вашим хлябям, мне достаточно, давайте вернемся и поговорим уже о деле.

Лицо председателя из легкомысленно-веселого мгновенно закаменело.

– Знаете, Степан Борисович, вот не надо сейчас этого вашего столичного чистоплюйства, ладно? – резко сказал Маховиков. – Вы на работе? Вот и выполняйте эту работу как следует! Противно вам? А мне, думаете, не противно? А я сюда в любое время года захожу! Это сегодня понадеялся на жару, сапоги не взял. А по сырости, бывает, и в химзащите приходится! Так что бросьте ваньку валять, приехали – так идемте.

Председатель решительно направился к автозаку. Спиридонов, впечатленный гневной тирадой, догнал его, когда Иван Иванович уже стучал в дверь.

– Миленький, отворяй, я гостей привел.

В автозаке послышался грохот, звон битого стекла и ругательства. Потом все стихло, и послышались шаркающие шаги.

– Кто там приперся? – раздался стариковский голос.

Председатель принялся, и тотчас на лице его, раздраженном и неприступном, отразилось понимание, и губы растянулись в ехидной усмешке.

– Он там самогон варит, засранец! – подмигнул председатель Спиридонову, и лейтенант сразу же вспомнил, что за запах он уловил в воздухе – сивуха!

– Миленький, отпирай, это свои! – снова крикнул Маховиков.

Миленький ответил не сразу. Не то рассчитывал, что гости забудут, зачем пришли, не то пытался понять, кто это – «свои».

– Иваныч, ты, что ли? – наконец определился Миленький.

– Узнал, бич! – рассмеялся Маховиков. – Отпирай, говорю, я гостя из столицы к тебе привел!

Лязгнула щеколда, дверь со скрипом открылась, и из полумрака фургона появился Миленький.

Если бы и существовали на свете лешие, или домовые, или еще какая-нибудь хтоническая нечисть, то выглядели бы они точно так, как выглядел этот низкорослый тощий человек. Грязный, неопределенного цвета свитер крупной вязки с высоким воротом, штаны в заплатках, туфли, обмотанные столярным скотчем, – таков был его гардероб. Вместо стрижки нечесаные грязные патлы с колтунами, под густыми бровями мутные глазки непо-

нятного цвета, клочковатая борода с остатками каши и хлеба, узкий нос, беззубый улыбающийся рот. Определенно, на диссидента этот субъект никак не походил.

Спиридонов сморщился. Он ожидал совсем другого, и если начистоту, Степан Борисович очень волновался перед этой встречей. Он ожидал увидеть человека, а увидел лишь пародию на него.

Как ни странно, Миленькому незваный гость тоже не понравился. Он тут же повернулся к председателю и с истерикой, характерной для мелких уголовников, заверещал:

– Ты кого сюда привел?

Председатель невозмутимо выдержал психическую атаку и спросил:

– А что не так?

Миленький бесцеремонно ткнул пальцем с длинным грязным ногтем в грудь Спиридонова:

– Это же особист!

Председатель продолжал играть в несознанку:

– Да с чего ты взял?

– Да у него на фотокарточке нарисовано – лейтенант госбезопасности! – кипятился Миленький. – Я ихнего брата насмотрелся, по запаху в темноте отличу! Гони его отсюда сейчас же!

Председатель посмотрел на Спиридонова и вздохнул, будто ему было неловко за поведение хозяина. На самом же деле Маховиков напоминал сейчас счастливого заводчика, демонстрирующего всему свету жеребца ахалтекинской породы или только что выведенную породу морозоустойчивых попугаев.

– Вы уж извините, товарищ лейтенант, а прав он, – сказал Иван Иванович. – Семи пядей во лбу быть не надо, чтобы вас узнать. А уж Миленький вообще проницательный засранец!

Потом обернулся к Миленькому и дал ему леща:

– Чего ты позоришься, а? Перед кем ты диссидента-нелегала изображаешь? Будто не знает никто, откуда ты такой вывалился. Прояви уважение, приглашай в гости. Да не прячь ты свой аппарат, за километр сивухой тащит! Лейтенант, а ты чего стоишь? Заходи уже!

Спиридонов вошел. Его крайне занимал председатель. Тип непростой, что у него на уме – пойди разбери. Эк он легко на ты перешел. В принципе, имеет право – Спиридонов ему в сыновья годится, но вот так, в течение одной минуты... Интересный персонаж.

В тесном фургоне центральное место занимала буржуйка с самогонным аппаратом на ней.

В топке гудело пламя. Кроме сивухи, здесь пахло мочой, грибами, плесенью, какой-то химией, дровами и баней. Едва глаза со света привыкли к полумраку, лейтенант огляделся.

Интерьер фургона не отличался каким-то особенным утонченным вкусом. Обычный бомжатник с кучами тряпья по углам. Класс мебели представляли два комода с оторванными ручками, тумбочка рядом с буржуйкой, развалившееся кресло да лежанка, заваленная шубами, шапками и валенками.

Впрочем, какое-то художественное оформление у этой халупы имелось. Стены были завешаны черно-белыми фотографиями женщин – голых, полуодетых и даже одетых, но принявших двусмысленную позу. Фотографии были плохого качества – с зернушкой, не в фокусе, сделанные в странных ракурсах, зато в любовно оформленных паспарту – с тиснением, с аппликацией и коллажами.

Тут же на гвоздике висел странный агрегат. Спиридонов сделал шаг, чтобы как следует разглядеть снимки и чудо техники, но на него прикрикнул Миленький:

– Эй, пархатик, руки в гору! Не трогай!

Председатель укоризненно посмотрел на Спиридонова и покачал головой – мол, куда ты лезешь? Однако вслух выступил на стороне лейтенанта:

– Миленький, ты бы полегче с гостем-то. Как-никак, человек при исполнении.

Миленький же продолжал лезть в бутылку:

– Да мне по фиг, при исполнении он или не при исполнении. Я этих краснопузых еще с того времени, как меня из комсомола поперли, ненавижу. Всю жизнь мне испоганили.

– Чем это я вашу жизнь испоганил? – поинтересовался иронически Спиридонов.

– А хотя бы тем, – не полез за словом в карман Миленький, – что в пархатики работать пошел. На тебе вон пахать можно, а ты соотечественникам дела шьешь.

Спиридонову было что ответить, и он хотел уже наплевать на все и начистоту сказать то, что думает про Миленького, но его остановил председатель.

– Шабаш! Развели тут, понимаешь, партсобрание. Сели все и меня послушали!

Спиридонов от неожиданности едва не сел на что-то, что на поверку оказалось старым фотоувеличителем.

Маховиков навис над Миленьким, что было, в общем, несложно:

– У товарища из Москвы к тебе конкретное предложение. Степан Борисович, вы позволите? Так вот, Миленький. К нам на майские приезжают американцы. Сам понимаешь, как мы тебя все здесь любим и уважаем, и ты для каждого из нас родной человек, но американцы – они такие... ну, знаешь... вони они не переносят. К тому же выглядишь ты неважно. Что о нас подумают? Поэтому к тебе просьба имеется – посиди майские праздники тихо, без этих твоих концертов.

Миленький мгновенно выключил диссидента и включил делегату:

– А что мне за это будет?

Маховикову, очевидно, не впервой было вести такого рода торговлю, и он сразу озвучил цену:

– А я тебя на всю следующую зиму в дом престарелых пристрою. Считаю, и харчи, и жилье теплое. Лады?

Невидимый аукционист уже мог трижды ударить молотком и объявить «продано». Но Миленький продолжал торговаться:

– Пленки бы мне. И фотобумаги.

Председатель согласился:

– Можно. Но только некондицию.

По тому, как разгорелись у Миленького глаза, можно было понять: удача только что разделась догола и домогается его тела.

– И станок обрешной! – сказал он.

Удача подумала – и начала одеваться: председатель сложил аккуратный кукиш и поднес к самому носу Миленького.

– Миленький, я тебе уже и так больше, чем обычно, пообещал, имей совесть. Так мы договорились?

– Договорились, – легко сказал Миленький и тут же потерял интерес к Маховикову и его спутнику. – Все, чешите отсюда.

Председатель посмотрел на часы, будто ожидая чего-то. Спиридонов прислушался – и тоже услышал, что где-то неподалеку движется грузовая машина, скорей всего – «ЗиЛ». Миленький с опаской посмотрел на гостей.

– Миленький, – как можно мягче сказал Маховиков, – тут еще один момент нарисовался. Сам понимаешь – скоро майские, американцы уедут, а мы останемся. Нам на твою небритую морду смотреть удовольствия никакого. Думаю, ты сам понимаешь, что настало время санобработки.

Реакция Миленького на безобидное, казалось бы, слово неприятно напрягла Спиридонова. «Диссидент» бросился в угол и заверещал, будто раненый заяц, которого сейчас будут добивать:

– Нет!!!

– Выходим, – велел Спиридонову Маховиков, и они вышли на улицу.

Снаружи стояла пожарная машина. Пожарный расчет в полном боевом облачении разворачивал брезентовые рукава и цеплял их к стволам брандспойтов. Не успели председатель с лейтенантом покинуть жилище Миленького, как туда ввалились трое пожарных и через минуту отчаянной борьбы выволокли под открытое небо визжащего и брыкающегося хозяина.

Только тут Спиридонов заметил еще одного пожарного, тоже в брезентовом костюме и каске, но без рукавиц. В руках у него была машинка для стрижки волос.

Двое бойцов силой усадили Миленького на какую-то бочку и держали за руки, третий со стволом встал напротив, готовый поливать.

Председатель хотел обратиться, видимо, к командиру расчета, но все выглядели одинаково, поэтому Маховиков сказал всем, по-хозяйски, но без барства:

– Эй, огнеборцы, мать вашу так! Нынче-то хоть горячую воду залили? А то в прошлый раз заморозили мужика! Не в Карбышева играете, благодетеля купаете!

– Обижаете, Иван Иванович, – последовал ответ, – температура шестьдесят градусов Цельсия! Все, как вы велели: десять кусков хозяйственного мыла, тюбик шампуня «Желтковый»! Даже пузырек «Русского леса» взяли!

– А вот это лишнее, – сказал председатель. – Лейтенант, идем, нам тут больше делать нечего.

Спиридонова не нужно было заставлять, ибо экзекуцию он наблюдать не хотел. Но не успели они с Маховиковым сделать и пары шагов, как председатель, что-то вспомнив, резко остановился, обернулся к огнеборцам и погрозил кулаком:

– И напор послабее, фашисты!

– Так точно! – гаркнул пожарник с брандспойтом.

– Ну все, тут теперь ажур, – облегченно выдохнул Иван Иванович. – Поедем-ка в баньку, Степан Борисыч. Вы и запах с себя смоете, и вам одежду вашу в порядок приведут. И не смейте даже отказываться. В гостинице у нас, конечно, горячая вода есть, но вот прачечная там – не дай бог!

С этими словами он взял Спиридонова под ручку и повел прочь. Лейтенант слышал, как за его спиной начинается санобработка истошно орущего Миленького, с которого уже сорвали всю его одежду и теперь стригли, как овцу.

– Вы это не чересчур, Иван Иванович? – нарочито равнодушным голосом спросил Степан Борисович. – Палку не перегибаете?

Председатель пожал плечами:

– Вы поймите нас правильно, Степан Борисыч: не хочет, засранец, мыться. Летом-то ладно – под дождиком постоит, в ручейке сполоснется, а зимой-то – ад кромешный! Вонизм стоит – ужас. А ведь он, гад, еще и общественным транспортом пользуется. Вам понравился запах? По лицу вижу – не понравился. И никому не нравится. Вот мы в меру своих сил и боремся за гигиену. Не мной это заведено, не мне и отменять. Вы не беспокойтесь – процедура отработана и имеет внутренний регламент, вплоть до техники безопасности. Знаете, время уж обеденное, давайте-ка мы сначала в нашу столовку при исполкоме, а уже потом в баню.

Спиридонов почувствовал, что и впрямь весьма проголодался, и согласился. Они уселись в «козла», и Маховиков велел:

– Леонтьев, в исполком.

5

Кто бы мог подумать, что плохой запах способен оказать на его самочувствие сокрушительное воздействие. Едва отъехали от свалки, Спиридонов опустил стекло, и в лицо ему ударил встречный поток воздуха. Однако это не помогло – всю дорогу он подозрительно принюхивался то к своему костюму, то к атмосфере в салоне. Леонтьев поглядывал на лейтенанта в зеркало заднего вида с плохо скрываемой насмешкой, а председатель – с сочувствием.

– Да это вам с непривычки кажется, что костюм провонял, – успокаивал Иван Иванович гостя. – На самом деле обоняние взбудоражено, вот и мерещится. У меня в первый раз точно так же было. Ничего, сейчас мы борща наварнем, котлеток с картошечкой – и все у вас как рукой снимет. Да закройте вы уже окно – продует!

– А можно сразу в баню? – попросил Спиридонов.

– Сразу? Да конечно, можно, чего ж нельзя. Леонтьев, отставить исполком, дуй в баню.

– Как скажешь, шеф.

Путь до бани Спиридонов помнил смутно. Они приехали в санаторий керамического завода, где баню топили с самого утра. Спиридонов сорвал с себя одежду, которую тут же унесли в прачечную, и бросился в душевую смыть запах. Он драил себя вехоткой, включал попеременно то холодную, то горячую воду, вылил на голову бутылку шампуня, но запах все не исчезал. Тогда Спиридонов пошел на крайние меры – попросил у медика вьетнамский бальзам и густо смазал обе ноздри.

Запах исчез. Совсем.

Только после этого он отправился в парилку, где председателя уже вовсю охаживали парой березовых веников.

– «Звездочкой» намазал? – спросил Иван Иванович, когда Спиридонов улегся на соседний полоч.

– Угу.

– Я тоже какой-то дрянью намазлся, месяц потом ничего унюхать не мог. Мужики, попарьте молодого человека, а то замерз совсем.

Оказывается, в клубах пара Спиридонов не заметил еще нескольких мужиков. Один из них, в фартуке и шапке, соскочил с верхнего полка.

– Я как-нибудь так отлежусь, – начал возражать Степан Борисович.

– Лежи и наслаждайся! – велел председатель. – Нам спешить некуда – часа два твою одежду в порядок приводить будут. Петрович, давай, но аккуратнее – товарищ непривычный.

– Не ссы, Иваныч, обрабатываем, – ответил мужик в фартуке и действительно начал весьма мягко, не травмируя и без того деморализованного сотрудника госбезопасности.

Спустя десять минут красные как раки Спиридонов и Маховиков вышли в предбанник и уселись голыми задками на лавку. Маховиков с некоторой завистью смотрел на атлетически сложенного лейтенанта. Парень будто с полотен Дейнеки сошел, тех, которые с голыми спортсменами. Жгуты мышц не выпирали из-под кожи, скорее слегка обозначались, но ведь если танк накрыть брезентовым чехлом, он все равно останется танком. А эти кубики брюшного пресса? Иван Иванович попытался вспомнить, имелись ли у него такие – и не смог. Сам председатель напоминал мешок с картошкой – тело изрыто оспинами, какими-то шрамами, брюхо выпирает, седые волосы курчавятся на почти бабьих грудях, мускулы покрыты толстым слоем сала, которое никакой парилкой не растопишь.

Впрочем, жару и вонь Маховиков переносил не в пример лучше.

– Ты спрашивай, спрашивай, Степан Борисыч, я все расскажу, – разрешил Иван Иванович.

– А он что, местный, этот ваш Миленский? – спросил, тяжело дыша, Спиридонов. – Вы о нем, прямо как о родном...

Маховиков подошел к деревянной бочке у выхода, взял висящий на ней ковш, зачерпнул воды и сделал глоток.

– А как же иначе? – ответил он. – Миленский нам почти родной и есть. Он же у нас аккурат с семьдесят четвертого года живет, в городе. В этом сентябре шесть лет будет.

– Невеликий срок, если честно. И вы его так сразу, как родного, и приняли?

Пот со Спиридонова лил ручьями, и он резкими движениями как бы стряхивал с себя потоки влаги. Видать, сильно нагрелся. Председатель зачерпнул еще воды и предложил гостю. Тот с благодарностью припал к деревянному краю и жадно выпил почти полный ковш.

– Поосторожней, этак и простыть можно, – предостерег Иван Иванович лейтенанта. – Вот так, сразу и приняли. У нас коллектив такой, всех как родных принимаем. А Миленский, между прочим, не просто хрен с горы, он Строгановку окончил.

Спиридонов встал со скамейки и снова стал стряхивать с себя пот:

– Не окончил, а выперли его с четвертого курса.

– А какая разница. Видели мы его справку, там по всем спецам отличные отметки, – сказал Маховиков. – Он один мог...

– Да, я уже в курсе про болдинскую осень...

– Ты, Степан Борисович, так говоришь, будто что-то за Миленским плохое водилось.

– А скажете, что нет? – Спиридонов перестал отряхиваться и посмотрел на Маховикова.

– А я скажу: конь о четырех ногах – и тот спотыкается, – бесстрашно ответил председатель. – И между прочим, мы его тут почти перековали, если бы не ваши товарищи из комитета.

– У меня такое впечатление складывается, что это он тут вас всех перековал!

Иван Иванович хотел сказать что-то, судя по выражению лица, резкое и нелюбезное, но взял себя в руки.

– Ну да, получили особисты бумагу из Москвы – мол, так и так, был замечен в антисоветских выставках – в Манеже и в Беляеве. Так про Манеж у нас никто толком и не знал, не говоря про Беляево ваше. А мужик, между прочим, работал, дневал и ночевал на заводе. А как бумагу получили, так и пришлось его уволить, он и опустил сразу. Так не по нашей же вине!

– А по чьей?

– Ты меня, лейтенант, на слове не лови, не лови. Ты лучше скажи – чего он такого страшного совершил, что вы его все никак в покое оставить не хотите? Только из-за того, что за границей он продается? Так он и сам не знает, наверное, про это. Ты же сам видел, в каких условиях он живет. Стал бы он на помойке самогон варить, если у него картины так покупают. Ну, скажи – чем он провинился?

– Да говно всякое рисовал и за искусство выдавал. И сейчас нас порнографией своей позорит.

– И чего вы хотите? Чтобы вся наша экономика рухнула из-за того, что какой-то говнюк ворует у Миленского его фотки голые? Если бы не письмо ваше, он до сих пор сидел бы где-нибудь в цехе, чашки вручную расписывал, и горя бы никто не знал. У нас особист плакал, когда Миленского увольняли! Потому что он бы и закрыл глаза, что контру на груди пригрел, да требовалось отчитаться о проведенной работе.

В это время дверь в предбанник распахнулась, и вошла старая скрюченная бабка, держа в руках стопку белья. От неожиданности Спиридонов съежился, прикрывая ладонями срам, и бочком, бочком стал ретироваться к парной.

– Тимофеевна, здравствуй! – зычно крикнул незваной гостье председатель. – Как жива-здорова?

– Ой, кто тут? – спросила бабка. – Ванька Маховиков, ты, что ли?

– Я, Тимофеевна, – ответил председатель и, абсолютно не стесняясь, подошел к старухе. – Ты чего ж без стука заходишь, парней молодых пугаешь? Давай простыни, а то сломаешься совсем.

Тимофеевна передала белье Ивану Ивановичу и завертела головой:

– Эй, молодой человек, ты не бойся, я слепая совсем. Да и чего я там у вашего брата не видала?

– Как жива-здорова, спрашиваю? – повторил Иван Иванович.

– Да как? Сам видишь – живу-живу, никак не сдохну.

– Да ладно, чего уж, живи. А то будут вместо тебя бабы заходить, совсем гостей засмущают.

– Ох, засмущаешь вас, – засмеялась бабка и вышла.

Маховиков завернулся в простыню и стал похож на патриция. Другую простыню он дал сконфуженному Спиридонову.

– Значит, хочешь Миленького совсем со свету сжить? – спросил председатель, пока Спиридонов промокал лицо и плечи сероватой грубой тканью.

– Я не крокодил, Иван Иванович, – ответил лейтенант. – Охотно верю, что Миленький не знает, что кому-то интересен, и понятия не имеет, как его дрянь за границу попадает. Хотя не исключено, что он всех водит за нос. Вот эта его нарочитая нищета и уродство... Ему же сорок лет, а он на все восемьдесят выглядит!

– А чего ты хотел? – ответил Иван Иванович и снова сел на скамейку. – Миленький, как его уволили, пил, будто не в себе, курил всякую дрянь, по бабам-трешницам шлялся. Истратился, теперь только пить и курить может. Но, между прочим, до баб до сих пор охоч. Правда, немного в ином смысле. Ты думаешь, Тамара Александровна только за вонь на Миленького шипит? Ха! Он без баб себе жизни не смыслит. Ты когда-нибудь за девками в бане подглядывал? Так вот – ты ничего не знаешь про подглядывание. Миленький – вот он настоящий охотник! Вот мы здесь моемся, а он наверняка уже готовится.

– И как ему только ноги до сих пор не переломали?

– Как не переломали? Ты думаешь, он весь такой страшный просто так? Да его и бабы, и их мужики не по разу до полусмерти пи... избивали. Последний раз полтора года назад так отделали – я гроб заказывал, думал, не выживет. Несколько человек под суд пошли! Ладно, Миленький не злопамятный, всех прощал, никого не посадил.

– Просто ангел божий, а не человек.

– Лейтенант, мне кажется, что ты на него лично зуб имеешь. – Иван Иванович пристально посмотрел на гостя. – Тебе бы шпионов ловить, а ты здесь ерундой занимаешься.

Спиридонов взгляд выдержал.

– Иные граждане, Иван Иванович, хуже шпионов. Так страну свою ненавидят, была бы их воля – все бы оболгали, опошлили. Вы говорите, про Манеж не знаете? Так я вам расскажу – уродство сплошное. Хрущев, помнится, очень хорошо сказал. Сейчас, минутку, цитату вспомню...

Голос и лицо Спиридонова вдруг преобразились, и он громко и яростно продекламировал:

– Что это за лица? Вы что, рисовать не умеете? Мой внук, и то лучше нарисует! Что это такое? Вы что – мужики или пидарасы проклятые, как вы можете так писать? Есть у вас совесть?

Маховиков восхищенно хмыкнул:

– Ишь, как завернул!

– Да, он мог, – согласился Спиридонов.

– Да это я про вас, Степан Борисович. Талант просто!

Спиридонов пропустил комплимент мимо ушей.

– Враг поднимает голову, товарищ Маховиков. И у меня создается впечатление, будто вы этому потворствуете.

– Знаешь что, Степан Борисович, – Маховиков резко встал, и простыня осталась лежать на лавке. – Давай-ка мы этими вопросами потом займемся, после бани, после обеда, ладно? Я тебе рассказал, за что Миленького ценю, ты мне рассказал, за что преследуешь. Никуда он от нас не денется. Пойдем-ка еще пару заходов сделаем, пока время позволяет.

– Я больше не хочу, – попытался протестовать Степан Борисович.

– А что ты здесь будешь делать, один и без штанов? Бабку Тимофеевну охмурять?

При упоминании о штанах и слепой бабке решимость Спиридонова завершить банный день как-то поутихла.

– Если только не больше двух, – предупредил он Маховикова.

– Какой вопрос, Степан Борисович? Баня – это такое дело, против воли нельзя, а то не удовольствие, а пытка получается.

Спустя пять минут они снова лежали на полках, и ловкие банщики парили их попеременно то березовыми, то дубовыми вениками.

– А я... ух! еще... ух! спросить хотел... – с трудом шевеля языком, проговорил Спиридонов. – Что там... оох... за артефакт на стене висел... ух! у Миленького...

– Какой еще артефакт? Этот, из картона, изоленты и катушки ниток? Хе! – председатель довольно крякнул. – Это, Степан Борисович, его фотокамера.

– Чего? – не поверил Спиридонов. – Как фотоаппарат, что ли?

– Почему – как? Это самый настоящий фотоаппарат. Его Миленький из подручных средств собрал. Денег-то на настоящий у него нету, вот он, значит, и придумал себе самодельный.

– А как же оптика?

– Он и тут, засранец, ушлый оказался. Из очков сам линзы делает, сам полирует.

– Откуда у него такие навыки?

– Да из книжек, из журналов. У него за будкой целый склад – «Юный техник», «Химия и жизнь», «Наука и техника».

– Так он на эту камеру, получается...

– На нее...

– Так какая проблема? Вы же говорите, что его били. Сломали камеру – и все дела.

– Эх, Москва! Ты думаешь, самый умный? Да у нас мужики каждую неделю его халупу вверх дном переворачивают, фотки эти мерзкие рвут, камеру заодно ломают. Так он новую за пять минут смастерит. Я сам видел – руки у него с похмелья ходуном ходят, а он чуть ли не вслепую крутит-вертит. Подручных средств-то целая свалка. Криво получается, но ведь работает!

– А стратегическую съемку самодельной камерой вести можно?

– Мужики, хватит парить гостя, – объявил председатель. – Гость, кажется, угорел.

6

Пожарные были ребята незлые, зря председатель наговаривал. Как только Маховиков со Спиридоновым ушли, Миленького дружно раздели, а его лохмотья замочили со стиральным порошком и слабым раствором «Белизны» в прохудившемся корыте. Свалявшиеся в колтун волосы состригли, кое-как отчекрыжили бороду и намылили при помощи куска поролона, намотанного на швабру. Грязь смывали из брандспойта.

Когда водные процедуры закончились, самые молодые пожарные баграми замесили мокрые шмотки в корыте, и на том процедура стирки была завершена. Лохмотья несколько раз обдали сильной струей воды, выполаскивая таким образом остатки порошка и хлорки, и, когда вода перестала пениться, при помощи тех же багров развесили на кривобоком заборе, которым Миленский огородил свой автозак.

– Эй, а как же «Русский лес»? – обиженно спросил Миленский, завернутый в ветхое байковое одеяло, когда пожарники начали сматывать рукав.

– Сам слышал – начальство не одобряет.

– Вам жалко, да?

– Клименко, доставай «Русский лес», – распорядился командир.

Боец Клименко притащил стеклянный пузырек с распылителем и грушей, на дне которого плескалась зеленоватая жидкость.

– Это что? – не понял Миленский.

– Одеколон. Клименко, обработай.

Клименко несколько раз добросовестно стиснул перчаткой грушу, и Миленского окутало маленькое ароматическое облачко. Ладно, хоть глаза закрыть успел.

Так он и сидел, зажмурившись, пока пожарные не попрыгали в машину и не уехали восвояси. Только тогда жертва санобработки открыла по очереди сначала левый, потом правый глаз. Убедившись, что мучителей поблизости нет, Миленский распахнул одеяло, критически осмотрел свое изрядно траченное жизнью тело, болезненно поморщился и запахнулся обратно. Впрочем, на улице сейчас было куда веселее, чем в ветхом жилище Миленского, поэтому он решил погреться на солнышке.

Стоя в мокрых изнутри калошах, завернувшись в одеяло, Миленский наблюдал, как деловито шевелится помойка. Это только на первый взгляд здесь царил хаос. На самом деле все были заняты делом: обустроивали гнезда, выбирали пару, искали, что преподнести той, которая ответила благосклонностью. Эта сопричастность всего со всем всегда будоражила Миленского. В это время года его всегда переполняла жажда деятельности, тот самый творческий порыв, который обычно именуется вдохновением.

Он подошел к своим выстиранным шмоткам и осторожно, будто боясь разбудить, потрогал. Разумеется, они все еще были сырыми, хотя вода с них уже стекла. Впрочем, пока шмотье сохнет, нужно провести несколько необходимых подготовительных мероприятий.

Хлябая галошами, Миленский вернулся в свою халупу. Переобулся в заскорузлые кожаные коты, упертые у какой-то бабки из частного сектора, и направился к комоду.

У комода было четыре ящика, и все хитрым образом заперты на двухсотмиллиметровые гвозди. То есть это Миленскому казалось, что хитрым, а на самом деле это был секрет Полишинеля – в боковой стенке просверлили четыре сквозных отверстия с потаями, в которые вставлялись гвозди, и эти гвозди намертво стопорили ящики в пазах.

В нижнем ящике реактивы для проявления и закрепления пленки и снимков, запасные линзы для объектива. В верхнем – фотобумага и фотопленка, пустые фотокассеты. Во втором ящике сверху – бумага для оформления готовых работ, во втором снизу – работы, которые ждут оформления. Сейчас Миленскому нужна была пленка.

Он вынул гвоздь и насили выдвинул разбухший за зиму ящик комода. В полумраке разглядеть содержимое ящика было проблематично, поэтому Миленский на ощупь, одной рукой (другой он держал одеяло) вытаскивал из вороха бумаги маленькие бумажные коробочки из-под пленки и тряс у уха. Попадались лишь распакованные. Миленский, чтобы не вытаскивать одно и то же несколько раз, сминал пустые коробки и бросал к буржуйке. Он точно помнил, что должна была остаться минимум одна нетронутая пленка. Но она все не попадалась. Рассердившись, он начал шарить по ящику обеими руками. Одеяло свали-

лось, Миленский мгновенно покрылся гусиной кожей, но он не обратил на это внимания. Перспектива остаться совсем без пленки в этот прекрасный солнечный день угнетала.

Очередная коробочка полетела к печке, но, прежде чем она ударилась о железный бок буржуйки, Миленский понял – нашел! Коробочка была тяжелее, не смялась в руке, и выбросил он ее машинально, как и десять предыдущих. Упав на колени, Миленский на карачках подполз к находке и недоверчиво поднял с пола.

«Свема», зелененькая. 64 ГОСТ. 19 DIN. 64 ASA. Время проявления 5 мин. Обработать до 10.1980 г. Эмульсия № 3234. Цена 35 коп. 36 кадров. Как она затесалась среди прочих, голубеньких, со светочувствительностью 32? Непросроченная? Определенно, день, начавшийся так неудачно, вдруг засверкал новыми, доселе невиданными красками. Теперь самым главным было эту сказочную удачу не просрать.

С радостными воплями Миленский выскочил на улицу в одних котках и завопил «Ура!», потрясая при этом тоненькими и сухими, как ветки боярышника, руками.

Дворняги, добившиеся наконец благосклонности единственной среди них дамы и теперь совокупающиеся с ней в порядке живой очереди, не прерываясь, удивленно посмотрели на голого человека. Если бы они умели говорить и мозги их хотя бы на одну крохотную мыслишку были свободны от мыслей о сучке Найде, они бы хором спросили: «Миленский, ты чего?» Впрочем, морды у них и без того были красноречивы. Заметив стаю, Миленский смутился.

– Э... Ну ладно, вы тут это... продолжайте... извините. – И убежал обратно.

Дворняги продолжили. Увы, это было последнее в их жизни соитие, потому что по звонку командира пожарного расчета в санэпидемстанцию через три часа на свалку приехала бригада живодеров и перестреляла всех собак.

Эйфория слегка отпустила Миленского, он вспомнил, что, по сути, ничего еще не сделал, и принялся за работу.

Сначала нужно было заправить пленку в кассету. Пошарив в ящике, он выбрал наугад несколько пустых кассет, отсортировал парочку менее расшатанных, после чего раскидал тряпки на лежаке. Если бы Спиридонов на мгновение мог перенестись из парилки обратно в жилище Миленского, то увидел бы, что лежанкой служит опрокинутый на заднюю стенку старый кондовый платяной шкаф, родной брат комода. Но Спиридонов не мог перенестись, поэтому наличие шкафа еще какое-то время оставалось для него тайной. Внутри тайны был постелен домотканый коврик.

С нераспакованной пленкой и кассетами Миленский залез внутрь и закрыл за собой дверки. Какое-то время из деревянных недр слышалась возня, сдержанные проклятия, потом раздался торжествующий возглас, и через минуту тяжело дышащий «диссидент» вновь открыл дверцу. Он вылез из шкафа, снял со стены последнюю модель самодельной фотокамеры и полез обратно – заправлять пленку в фотоаппарат.

Фотоаппарат Миленского был изготовлен из гофрокартона, обклеенного светонепроницаемой оберточной бумагой, в которую обычно упаковывалась пленка. Задняя стенка открывалась, через аккуратно вырезанные каналы пропускалась пленка, стенка накладывалась обратно и плотно перематывалась изолентой. Разумеется, видоискателя и затвора у этого фотоаппарата не было, и фокус настраивался тоже приблизительно, но Миленский давно приспособился к неудобствам.

Миленский аккуратно, чтобы не помять хрупкую аппаратуру, снова полез в шифоньер. Когда громко стучащий механический будильник отсчитал пять минут, камера была готова смотреть в мир.

Во весь рост поднялся гордый и целеустремленный Миленский из шкафа. Черная гармошка объектива, наглухо закрытая фетровым колпачком, агрессивно выпирала вперед. Миленский готов был приступить к съемкам.

Он снова выскочил на улицу, чтобы проверить, как сохнет одежда. Одежда сохла, но не так быстро, как хотелось бы. До полного высыхания ждать пришлось бы еще часа два, а такого солнца упускать не хотелось. Поэтому Миленький плюнул и стал натягивать на себя мокрое.

Кое-где от жесткого метода стирки швы на одежде разошлись. Шил Миленький прямо на себе ржавой сапожной иглой – другие он просто не мог удержать в руках. Майка, рубаша и свитер шились всегда одновременно, поэтому вскоре этот предмет гардероба стал един. Штаны он носил без трусов, поэтому тщательно штопал их на особо ответственных местах. К счастью, сегодня этого не потребовалось – только на правой щиколотке разошелся шов, и Миленький решил, что это ничего.

Вскоре он был уже одет и обут. Держа камеру немного в стороне от себя – чтобы не намочить об одежду, – Миленький вышел на охоту.

В город он решил не ходить. Поблизости, через лесополосу от свалки, располагалось садовое товарищество «Сад и ягодка». Вообще-то по учредительным документам называлось оно «Сад «Ягодка», но когда Миленького попросили оформить вывеску, он нализался в процессе и вместо кавычек написал союз «и». Сначала его ругательски отругали и хотели заставить переделывать, но Миленький на ту пору ушел в длительный запой и сразу исправить брак не мог. Члены товарищества, пока художник квасил, решили – пускай вывеска висит так, пока Миленький в ум не придет. Так вывеска и приросла. В этом садоводческом товариществе Миленький ловил первые свои сеансы фотоохоты. После этого его несколько раз ловили, наносили увечья разной степени тяжести, даже пару раз резали, но он всегда выкарабкивался. Сезон он начинал всегда отсюда.

Он бодро пересек свалку и лесополосу, после чего уперся в потемневший забор из елового горбыля. Заветная доска отодвинулась, и Миленький просочился в свои охотничьи уголья.

Обычно он крался вдоль штакетников, заглядывал в окна домиков, подсматривал изда-лека, как, согнувшись в три погибели, работают женщины. Кто в халате, кто в купальнике, молодые и не очень, красивые и так себе – все они становились объектом скрытой съемки. Миленький, стараясь подкрасться как можно ближе, ловил женщин в разных позах и снимал.

Конечно, больше всего ему хотелось застать их за помывкой или переодеванием, он нарочно старался приходить под вечер, когда топились в садах самодельные бани и огородники мылись после страды. Иногда – крайне редко, примерно в такие счастливые дни, как этот, – ему везло. Он заставал баб в чем мать родила и фотографировал.

Бабы его, конечно, замечали, поднимали визг, крик, а те, которые были более или менее одеты – в трусы и лифчик хотя бы, – начинали преследование. У забора его обычно догоняли и дружно били, отбирали и рвали камеру, но Миленький всегда успевал на бегу смотать пленку и перекинуть отснятый материал через забор.

Сегодня, однако, вышло иначе.

Как всегда, он вылез на Цветочную улицу, рядом с домиком с петухами на ставнях (которых, кстати, тоже сам нарисовал в редкий свой незапойный период). Здесь баб не было давно, поэтому обычно Миленький проходил мимо, даже не оборачиваясь. И он почти прошел, как вдруг услышал девичий визг.

Голос был настолько чист и невинен, что Миленький сразу забыл обо всем на свете. Юная купальщица, вот кого он сфотографирует. Все складывалось одно к одному, это судьба, сегодня ему суждено поймать сильнейший в своей жизни сеанс! Он тихонько перелез через штакетник и стал подкрадываться к душевой.

Щиколотки девушки, визжащей под струями холодного душа, крайне взволновали Миленького. Это шедевр. Это будет настоящий шедевр.

Он настроил объектив на самое меньшее расстояние, с которого еще ни разу не снимал. Затем на цыпочках подкрался к деревянной разгородке душа и, не глядя, поднял камеру над закрытой дверью.

Один снимок. Второй. Третий. Пятый. Самодельный затвор иногда заедал, но не сильно. Правда, щелкал очень громко, но фотограф отчаянно надеялся, что шум воды его заглушает.

Если бы Миленский был поумнее, он понял бы, что девица намылила голову и потому не видит, что происходит вокруг. Но он был чересчур поглощен своей удачей. Между тем Таська – а это, как мы все давно догадались, была именно она – промыла глаза и увидела за дверью чьи-то ноги, а над дверью – руки с непонятной штукой, похожей не то на подзорную трубу, не то на ружье.

Истошно заорав, Таська толкнула дверь. Та, резко распахнувшись, ударила Миленского по лбу, и он тут же упал без чувств.

Таська, прикрывшись рубашкой, продолжала визжать над поверженным врагом. В таком виде и застали ее лейтенант Забийворота и его соседи по улице.

7

Костюм выглядел как новенький – свежий, отутюженный, висел он в раздевалке, когда совершенно обессиленный Спиридонов вышел из душевой. Рубашка, галстук, даже носки – все было выстирано и выглажено. Туфли тоже сияли, будто только что из магазина.

Следом вышел Маховиков.

– Ну, что я говорил? Лучше, чем было, – сказал он.

Иван Иванович степенно прошел к своим вещам, взял огромного размера полотенце и начал вытираться.

– Ты, Степан Борисович, как знаешь, а у меня уже в животе урчит. Надо было до помывки поесть.

– Я где-то слышал, – ответил Спиридонов, ероша полотенцем мокрые волосы, – что перед баней вообще не следует есть.

– Мы и так не ели. И вот чего я, как дурак, два часа голодный в бане парился? – Маховиков с упреком посмотрел на гостя. – Никакого удовольствия. Собирайся быстрее, обедать пойдем.

Санаторская столовая была полна народу, и председателю с лейтенантом пришлось выстоять длинную очередь. Спиридонов никак не мог понять – не то у них тут и впрямь такая демократия, что не допускается обслуживание вне очереди, не то Маховиков так рисуется.

Это была обычная столовка, ну разве что ассортимент чуть шире. Кроме традиционных котлет, гуляша и жареного минтая с гарниром из макарон, картофельного пюре или риса имелись антрекоты, гречка, жаркое в горшочках и шашлык. Борщ, щи, солянка, гороховый суп, винегрет, капустный салат, сметана, простокваша, компоты из сухофруктов и свежих яблок. Все то, чем Спиридонов питался каждый день, если не гостил у матери в Тагиле.

– Селедка есть? – спросил он у худющей поварихи в накрахмаленном колпаке и таком же халате.

– Есть. С каким гарниром? Пюре?

– Да.

– Ты что – из детского сада сбежал? – спросил Маховиков. – Тебе мясо есть надо!

– Иван Иванович, давайте я сам разберусь, что мне надо, – процедил Спиридонов.

– О, девочки, смотрите-ка – Маховиков, – крикнула худая повариха. – Соскучился, Иваныч?

– Люда, ну вот как ты меня перед товарищем из органов выставяешь? – шутя попенял поварихе председатель. – Я цельный председатель исполкома, а мне каждый встречный-поперечный сегодня тыкает, весь авторитет подрывает.

Повариха захохотала.

– Тебе как всегда?

– А, давай, как всегда, – махнул рукой председатель. – Все одно никто меня здесь не слушает.

Расплатившись каждый сам за себя, они уселись за столик в конце зала и начали есть. Ели молча – оба и впрямь ужасно проголодались, – но Спиридонов неторопливо и аккуратно, а Маховиков метал очень быстро. Вообще-то он взял еды вдвое больше Спиридонова, и теперь методично расправлялся с двойными порциями. Спиридонов несколько раз тайком посмотрел на председателя: не устал ли он есть? Но тот жевал с аппетитом, применяя для каждого блюда новые стратегии и тактики уничтожения.

Сырники, политые розовым киселем, были почти уничтожены, когда в зал вбежал Леонтьев. Он окинул взглядом пространство, заметил Маховикова.

Леонтьев пересек столовую, лавируя меж столиками, и, низко наклонившись к председателю, сказал вполголоса:

– Шеф, хватит жрать, у нас чепэ!

Председатель посмотрел на водителя и сказал:

– Мне дадут сегодня поесть спокойно? Что случилось?

Леонтьев покосился на Спиридонова. Это Маховикову не понравилось, и он раздраженно сказал:

– Что ты мне тут конспирацию разводишь? Говори по делу или иди поешь!

Водитель вздохнул и снова вполголоса сказал:

– Миленького арестовали. Говорят, попытка изнасилования.

Маховиков треснул кулаком по столу.

– Леонтьев, – сказал он, тоже негромко, но голосом председателя можно было асфальт закатывать. – Мне эти твои подковырки... я тебе кто? Собутыльник? Тесть? Твое дело баранку крутить, куда тебе скажут, и говорить, когда разрешат. Я тебя учу, как машину водить?! Хоть раз тебе под руку говорил, когда ты в движке ковырялся?! И нечего ординарца при мне строить! Весь аппетит испортил.

Леонтьев стоял красный как рак.

– Чего стоишь? Иди ешь, говорю.

– Так это... Я ж говорю – Миленького арестовали. Я не шучу, Тамара Александровна только что звонила.

Иван Иванович не верил, Спиридонов видел это по его лицу – жесткому, непокорному.

– Этого не может быть, – сказал председатель. – Что известно?

– Да ничего не известно, – отстранился от стола Леонтьев. – Я ж не больше вашего знаю!

– Еп... – чертыхнулся Иван Иванович и посмотрел на часы. – Три часа дня, когда он чего успел?

– Известно, в какое отделение его доставили? – спросил Спиридонов.

– Какое-какое, – огрызнулся Леонтьев. – Оно у нас одно.

– Вот что, Иван Иванович, – сказал Спиридонов председателю, – я сейчас съезжу в отделение и попытаюсь выяснить, что к чему.

– Да кого этот шибздик мог изнасиловать? – спросил Маховиков. – Ты же его видел, соплей перешибешь.

– Вы удивитесь, Иван Иванович, когда узнаете, что среди шибздигов насильников больше всех. Но я разберусь. Если он невиновен...

– А зачем тебе его спасать? Ты же его закопать хочешь!

– Кто сказал, что я хочу его спасти? Я хочу разобраться. Поехали, Леонтьев. Приятного аппетита, Иван Иванович.

Спиридонов встал, промокнул рот салфеткой и пошел к выходу. Леонтьев вопросительно посмотрел на Маховикова. Тот кивнул, и водитель побежал следом за лейтенантом. Иван Иванович остался один на один с сырниками.

До милиции Леонтьев и пассажир не перемолвились ни словом. Когда «уазик», взвизгнув тормозами, остановился у входа в ОВД, Спиридонов велел подождать его и вышел из машины.

Отдел внутренних дел располагался в сером трехэтажном здании. Вход с фасада, широкое крыльцо под бетонным навесом, опирающимся на четыре столба из труб большого диаметра, все выкрашено зеленой краской – и столбы, и двери, и перила, и даже железные уголки, предохраняющие от разрушения бетонные ступени крыльца. Этой же краской выкрашены все оконные рамы и отливы. Очевидно, зам по тылу здесь тоже был хозяйственный.

Спиридонов поднялся на крыльцо и вошел внутрь.

У стеклянного окна дежурной части толпился народ, служащий и штатский.

– Товарищи, разрешите пройти, – попросил Спиридонов. – Мне к дежурному.

– Все к дежурному, не видишь, что ли? – огрызнулся кто-то из штатских.

– Я из госбезопасности, по срочному делу.

Народ заозирался. Кое-кто торопливо отошел в сторону, будто заинтересовавшись стендом «Их разыскивает милиция», некоторые утянулись в узкий длинный коридор, кое-как освещенный шестидесятиваттными лампочками. У застекленного окна дежурной части остались только милиционеры.

– Вы позволите? – спросил Спиридонов, отодвигая от двери в дежурку младшего лейтенанта.

Сразу за дверью располагался «обезьянник» – узкое неглубокое помещение, оштукатуренное под «шубу», с дверью из толстой арматуры. Там сидел на корточках и держался за голову Миленский.

– Вам кто разрешил входить? – окликнули Спиридонова.

За столом у окна сидел майор. Перед ним на стуле сидела девица, которую утром благодаря своевременному сигналу Спиридонова сняли с поезда. У нее были влажные волосы и весьма решительное лицо. Рядом с ней стояли лейтенант с вокзала и еще какая-то пара предпенсионного возраста. Все смотрели на Спиридонова.

– Сидите-сидите, я вам мешать не буду, – радушно улыбнулся незванный гость. – Я здесь по поводу гражданина Миленского.

– Он ваш родственник?

– Родственник? Прекрасная шутка, товарищ майор. Нет, разумеется, не родственник. – Спиридонов рассеянно начал шарить по карманам, тем самым успокаивая майора. – Где же оно... Минутку, я документ куда-то засунул... Ах, вот он... вот, прошу.

Майор недоверчиво принял удостоверение и открыл его. За несколько секунд по его лицу, словно рябь по воде, пронеслась целая серия эмоций – удивление, досада, злость. Он закрыл удостоверение, повертел в руках и вернул владельцу.

В это время девица, всматривавшаяся сначала в костюм, а потом и в лицо Спиридонова, вдруг спросила:

– Это же вы утром на вокзале были, да?

– Я. Но мне сейчас некогда, девушка, я разговариваю с товарищем майором, – Спиридонов переключил внимание на майора: – В чем обвиняют гражданина Миленского?

– Не обвиняют пока. Принимаем заявление у гражданки...

– Так что случилось? – перебил майора Спиридонов. – Вкратце, шершавым, так сказать, языком плаката.

Майор шумно вздохнул, но пошел навстречу.

– Гражданка Касатонова Таисия Фоминична, одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года рождения, принимая душ на садовом участке номер триста пятьдесят садоводческого товарищества «Ягодка», принадлежащем Забийворота Анатолию Михайловичу, одна тысяча сорок пятого года рождения, подверглась развратным действиям со стороны гражданина Миленького...

– Про него не надо, давайте дальше...

– А дальше вы нам помешали, товарищ лейтенант, – с претензией сказал майор.

– Ах, вот даже как! – обрадовался Спиридонов. – Замечательно. А вы, стало быть, – он обратился к пожилому гражданину, стоящему напротив гражданки Касатоновой и держащемуся за руку не первой молодости дамы, – гражданин Забийворота?

– Я? – испугался гражданин. – Не, я не он, я Ишутин.

– Я Забийворота, – сказал пухлый лейтенант.

– Замечательно. И вы видели, как гражданин Миленький совершал развратные действия?

Все посмотрели на Забийворота.

– Ну как – видел? – смутился он. – Я как раз шел... а тут она как заорет... а я бегом... и вот Ишутин, сосед мой... с супругой... тоже, значит, вместе со мной... бежим, значит... а она визжит, голая... а этот лежит – она ему дверь съездила по лбу.

– То есть об изнасиловании вы знаете со слов гражданки Касатоновой, а самой попытки не видели? – спросил Спиридонов у присутствующих.

Они переглянулись, потом посмотрели на Спиридонова, как на больного.

– Это ж Миленький, он всегда...

– Стоп-стоп-стоп, – Спиридонов поднял руку вверх. – Вы обвиняете человека в тяжком преступлении, но при этом никто не видел, что он делал. Это, товарищи, как-то не посоветски. Прямо скажем, это какая-то буржуазная практика – облыжно обвинять.

Майор сразу понял, к чему клонит незванный гость. Он постарался незаметно убрать начатое заявление, но этот маневр заметила гражданка Касатонова.

– Вы почему заявление прячете? Мы еще не дописали! – выступила она.

Майор покраснел, но Спиридонов тут же пришел ему на помощь:

– Гражданка Касатонова, а как вы оказались на садовом участке гражданина Забийворота? Что вы там делали? Это Миленький сорвал с вас одежды?

Гражданка Касатонова вспыхнула. Отличное попадание, похвалил себя Спиридонов и, пока девица не восстановила дыхание, продолжил развивать наступление:

– А вы, товарищ Забийворота? Как вы это объясните?

Забийворота вопросительно посмотрел на Касатонову и майора.

– Так я ж только что объяснял...

– С вами мы потом поговорим, товарищ Забийворота, – пообещал Спиридонов и хотел продолжить, как неожиданно в бой вступила девица:

– Я путешествую. Автостопом. Знакомлюсь с жизнью нашей необъятной родины.

– То есть бродяжничаете? – опять перебил ее Спиридонов. – А вы знаете, что...

– Нет такой статьи – бродяжничество, – спокойно ответила гражданка Касатонова. – Я путешествую по стране, делаю эскизы и наброски. Я в институт поступать собираюсь.

Она смотрела ему в глаза, и по ее взгляду Степан Борисович понял – не боится, понимает, кто он, и готова вцепиться ему в лицо. Последнее было нежелательным.

– В какой институт? Здесь никаких институтов нет, или я не в курсе? – спросил он у девицы.

- В училище имени Мухиной, – ответила гражданка Касатонова. – Это в Ленинграде.
- В апреле? Еще выпускные экзамены не начались.
- А я сдала их экстерном, еще зимой.
- И аттестат есть?
- Разумеется.

Аттестат был в полном порядке. Отличница. Как и диплом о досрочном окончании художественной школы, тоже с отличием.

– Так что же вы делали на садовом участке товарища Забийворота? – спросил Спиридонов, нехотя возвращая девице документы.

– Мылась, – просто ответила она. – Денег у меня нет, вот я и попросила у товарища Забийворота помыться на его участке.

– Точно так, Христом-богом! – влез в диалог хозяин участка.

– Я же сказал, товарищ Забийворота, – потом! – Спиридонов снова повернулся к потерявшей. – И чем конкретно, барышня, провинился перед вами гражданин Миленский?

Барышня медленно, будто тупому, сказала:

– Он совершал по отношению ко мне развратные действия. Он меня фотографировал. Голую. Когда я принимала душ.

Спиридонов видел, что девица не до конца понимает, кто такой Миленский. Она считала – и ей наверняка успели про это напеть местные жители, – что на ее девичьи прелести покушался обычный полусумасшедший извращенец. Что ж, тем хуже для нее.

– Какой системы был фотоаппарат?

Девушка открыла рот, чтобы быстро ответить, и тут же закрыла. Попалась, голубушка, не знает. А эти остолопы забыли ей сказать, что...

– Самодельный, – сказала она твердо. – Абсолютно точно – самодельный фотоаппарат, и объектив самодельный, и затвор тоже, очень громко щелкал, я потому его и услышала.

Ты посмотри, какая упрямая, даже самодельный аппарат ее не смутил, подумал Спиридонов. Что ж, сегодняшний день явно оказался богат на непростых соперников. Тем интереснее.

– У нас тут что – передача «Это вы можете»? – Спиридонов издевательски хмыкнул. – Вы слышали, товарищи? «Самодельный».

Девушка невозмутимо выслушала выпад и ответила:

– Не надо меня дурочкой выставять! Я все прекрасно видела и могу зарисовать по памяти. Думаете, если я несовершеннолетняя, то меня запутать можно? – Она обернулась к майору: – Мне про него тут понарасказывали, про этого вашего... Миленского. Его давно в психушку надо. Или еще лучше – в тюрьму.

Спиридонов покачал головой:

– Почему вы такая кровожадная, барышня? Ну признайтесь хотя бы себе – вы просто испугались, нафантазировали черт знает что и подняли панику. Вас никто не будет виноватить – гражданин Миленский и впрямь выглядит страшновато, неудивительно, что он у вас такую бурную реакцию вызвал. Зачем вы себе цену набиваете, людей от работы отвлекаете?

– Я отвлекаю?! – Девица, казалось, сейчас лопнет от возмущения. – Вы на этого типа посмотрите! А если бы товарищ лейтенант вовремя не пришел?

Снова попадание, улыбнулся про себя Спиридонов. Молодец, возьми с полки пирожок. А ты, гражданка Касатонова, жарче кипятись, смотри, как от тебя свидетели уже отодвигаются.

– Требую, чтобы вашего Миленского изолировали от общества, – закончила девица и хлопнула ладонью по столу.

Спиридонов широко улыбнулся:

– Ну что вы, он совсем не мой миленский.

В следующую реплику девица вложила все презрение, на какое только способны особы ее возраста:

– Это уж вы с ним сами разбирайтесь, кто чей миленький, – с этими словами она демонстративно обернулась лицом к заскувавшему уже майору: – Товарищ майор, так вы будете составлять заявление или мне в прокуратуру идти?

– Минутку, барышня! – Спиридонов не боялся прокуратуры, но добить наглую девку нужно было прямо здесь, чтобы не думала, будто самая умная. – Вы ведь у нас несовершеннолетняя, правильно?

– Вы видели паспорт и другие документы, – ответила она, не глядя. – Вам снова показать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.